

ЭДВАРД ФИЛЛИПС ОППЕНГЕЙМ

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

*Два двойника. Одна смертельная игра
на пороге мировой войны*

Эдвард Филлипс Оппенгейм
Великое перевоплощение

«Автор»

2026

Оппенгейм Э.

Великое перевоплощение / Э. Оппенгейм — «Автор», 2026

Эдвард Филлипс Оппенгейм — признанный мастер шпионского жанра, чьи книги перед Первой мировой войной зачитывались членами британского кабинета министров. Его роман «Великое перевоплощение» погружает читателя в атмосферу предвоенной Европы 1913–1914 годов, где за кулисами эдвардианского блеска разворачивается смертельная геополитическая игра. В центре сюжета — поразительное сходство английского аристократа сэра Эверарда Доминей и немецкого дипломата барона фон Рагастейна. Когда немецкий шпион занимает место британца, начинается опасная игра в двойников, от исход которой зависят судьбы целых империй. Это классический триллер о тайной дипломатии, патриотизме и моральном выборе на пороге великой катастрофы. Тщательно выстроенный сюжет, психологическое напряжение и мрачные тайны туманного Лондона и ветреных пустошей Норфолка делают эту историю захватывающей. Сюжет о шпионаже, политических интригах, тайной дипломатии держит в напряжении до самого конца, мастерски передавая дух ушедшей эпохи.

© Оппенгейм Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие переводчика: Тени накануне бури	5
Главные и второстепенные персонажи романа	6
Главные персонажи	9
Второстепенные персонажи	10
Главные персонажи и их взаимоотношения	11
Второстепенные персонажи и их взаимоотношения	12
Основные локации романа	14
Родовое поместье Домини в Норфолке	15
Лондон	16
Берлин и Германия (тени заднего плана)	17
1. Германская Восточная Африка — окрестности реки Ириварри	18
2. Возвращение в Англию — Лондон, до начала войны	19
3. Домини-холл — Норфолк, Англия	20
4. Лондон и Норфолк — накануне войны	21
Атмосфера романа	22
Сумрак перед бурей и эстетика двойничества	23
1. Предчувствие грозы (Лето 1914 года)	24
2. Замкнутый круг и паранойя двойничества	25
3. Контраст дикой природы и цивилизованного света	26
4. Благородство и холодный расчёт	27
Проработка характеров героев романа	28
1. Главные протагонисты и антагонисты (Двойники)	29
2. Женские образы	30
3. Окружение и второстепенные персонажи	31
Главные психологические мотивы проработки персонажей:	32
Язык романа, персонажей, природы	33
1. Язык романа (Авторский стиль и атмосфера)	36
2. Язык персонажей (Речевые характеристики)	37
3. Язык природы (Пейзаж как зеркало души и предзнаменование)	38
Детали быта в романе	39
1. Устройство дома и аристократический быт (Поместье Домини в Норфолке)	42
2. Кулинарные сцены и гастрономическая культура	43
3. Детали повседневного быта и эпохи эдвардианского комфорта	44
Глава I	45
Глава II	51
Глава III	57
Глава IV	61
Глава V	67
Глава VI	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Эдвард Филлипс Оппенгейм

Великое перевоплощение

Предисловие переводчика: Тени накануне бури

Каждое время рождает своих поэтов, летописцев и пророков. Эдвард Филлипс Оппенгейм (1866–1946), безусловно, был пророком — если не геополитических катастроф как таковых, то той психологической атмосферы тайны, паранойи и невидимого противостояния, в которой человечество прожило весь бурный XX век. Его называли «князем рассказчиков», и это звание было заслужено не столько головокружительными сюжетами, сколько непревзойденным умением улавливать нерв эпохи.

Роман «Великое перевоплощение», впервые увидевший свет в 1920 году, по праву считается вершиной творчества писателя. Он появился на свет в уникальный исторический момент: Первая мировая война только что отгремела, оставив Европу в руинах и заставив уцелевшие империи залечивать глубокие раны. Мир еще не остыл от пожаров, но уже с тревожным предчувствием всматривался в завтрашний день. Именно в этот период Оппенгейм с пугающей проницательностью заглянул за кулисы европейской дипломатии, показав, что истинные битвы за судьбы народов ведутся не на полях сражений, а в тишине лондонских особняков, сырых немецких лесах и за закрытыми дверями правительственных кабинетов.

В центре сюжета — классический для мастера мотив двойничества и подмены личности. Сэр Эверард Домини и барон Леопольд фон Рагастейн — две стороны одной медали, два зеркальных отражения, волею судьбы столкнувшиеся в заброшенной глуши африканской глуши за несколько лет до мировой бойни. То, что начинается как причудливая игра в сходство, перерастает в опаснейшую шпионскую шахматную партию на британской земле. Оппенгейм мастерски держит читателя в напряжении: кто есть кто? Где искренность, а где искусно разыгранный спектакль? И главное — какую цену придется заплатить за государственные секреты?

Переводя эту книгу, я стремился сохранить неповторимый британский шарм прозы Оппенгейма начала века — с его изысканной вежливостью аристократов, за которой скрывается холодный расчет, неторопливым, но неумолимо ускоряющимся ритмом и тем особым британским стоицизмом, который не ломается даже перед лицом смертельной угрозы.

«Великое перевоплощение» — это не просто ретро-детектив или шпионский триллер из прошлого. Это глубокое исследование человеческой идентичности, долга и чести в мире, где все маски рано или поздно срываются.

Окунитесь в эту атмосферу. Добро пожаловать в Англию 1913 года, где каждый встречный может оказаться совсем не тем, кем кажется.

Владимир Давыдов

Главные и второстепенные персонажи романа

В этом разделе представлены основные участники событий и их место в сюжете.

Главные персонажи

Сэр Эверард Домини — английский баронет, владелец поместья в Норфолке. После тяжёлых семейных событий он уехал в Африку и провёл там около десяти лет. Его возвращение в Англию становится центральной загадкой романа.

Барон Леопольд фон Рагастейн — немецкий офицер, военный комендант колонии в Германской Восточной Африке. В Англии, где он учился вместе с Домини, его знали как Сигизмунда Девинтера. Поразительное сходство двух мужчин подсказывает ему план подмены.

Леди Розамунда Домини — жена сэра Эверарда. После страшного потрясения она тяжело заболела и почти не покидает поместья. Возвращение мужа одновременно пробуждает её страхи и надежду на выздоровление.

Второстепенные персонажи

Герцог Вустерский и его жена Каролина — родственники Домини и представители британской аристократии. Герцог предупреждает общество о германской военной угрозе; герцогиня помогает вернувшемуся кузену войти в свет.

Князь Тернилов — германский посол в Великобритании. Он искренне стремится сохранить мир между двумя странами и не разделяет методов тайной агентуры.

Отто Зеэман — немецкий агент, действующий под видом коммерсанта и сторонника англо-германского сближения. Он поддерживает связь с человеком, принявшим имя Домини, и передаёт ему указания.

Доктор Харрисон — пожилой врач и преданный друг леди Домини. После ухода из практики он продолжает заботиться о ней. Его племянник, доктор Артур Стилуэлл, ведёт местную врачебную практику.

Миссис Антанк — многолетняя служанка и сиделка Розамунды, мать исчезнувшего Роджера Антанка. Она обвиняет Домини в гибели сына. Среди других важных персонажей — княгиня Стефания Эйдерстрём, доктор Шмидт, поверенный мистер Мэнган, дворецкий Паркинс, егерь Миддлтон и Эдди Пелэм.

Главные персонажи и их взаимоотношения

Сэр Эверард Домини и барон Леопольд фон Рагастейн

Взаимоотношения: Бывшие товарищи по Итону и Оксфорду встречаются в Африке. Их внешнее сходство становится основой опасной интриги. Вопрос о том, кто вернулся в Англию под именем Домини, сохраняет значение до самой развязки.

Сэр Эверард Домини и леди Розамунда Домини

Взаимоотношения: Их брак омрачён прошлым несчастьем. После возвращения мужа Розамунда замечает перемены в его облике и поведении. Страх постепенно уступает место доверию, однако сомнения в его личности сохраняются.

Барон фон Рагастейн и княгиня Стефания Эйдерстрём

Взаимоотношения: Их связывает прежняя любовь. Муж княгини погиб на дуэли с Рагастейном, после чего барон оказался в Африке. Встретив в Лондоне человека, похожего на него, Стефания отказывается верить его уверениям, что он сэр Эверард Домини.

Второстепенные персонажи и их взаимоотношения

Сэр Эверард Домини и Отто Зееман

Взаимоотношения: Под видом старой деловой дружбы между ними развивается тайное сотрудничество. Зееман организует встречи, сообщает распоряжения и следит за тем, насколько убедительно его собеседник исполняет роль английского баронета.

Сэр Эверард Домини и герцог Вустерский

Взаимоотношения: Родственная связь открывает Домини доступ в высшее общество. Герцог знакомит его со своими взглядами на германскую угрозу и поддерживает интерес к общественным делам.

Сэр Эверард Домини и доктор Харрисон

Взаимоотношения: Врач резко осуждает поведение Домини. Забота о Розамунде заставляет их искать общий язык: Харрисон убеждён, что её выздоровление во многом зависит от терпения и любви мужа.

География романа

География романа Эдварда Филлипса Оппенгейма «Великое перевоплощение» охватывает ключевые узлы европейской и колониальной политики накануне Первой мировой войны. Пространство романа четко разделено на две контрастные локации — дикую колониальную периферию и утонченные центры британского высшего света.

Основные локации романа Германская Восточная Африка

Роль в сюжете: В африканской глуши, неподалёку от реки Ириварри и поселения Даравага, происходит встреча Домини и фон Рагастейна. Это мир зарослей, лагерей и опасных переходов, вдали от европейского общества. Названия этих мест переданы по тексту романа; их не следует принимать за точную карту современной Восточной Африки.

Родовое поместье Домини в Норфолке

Роль в сюжете: Поместье Домини-холл в Норфолке становится местом возвращения героя к семейному прошлому. Здесь развиваются его отношения с Розамундой, а история Чёрного леса соединяет домашнюю драму со шпионской интригой.

Лондон

Роль в сюжете: Политический и социальный центр Британской империи. Описаны элитные клубы, аристократические салоны, ведомственные кабинеты и посольства. В Лондоне разворачивается тонкая шпионская шахматная партия: герой проникает в высшие круги британского общества, участвует в дипломатических приемах и ведет скрытый сбор стратегических данных.

Берлин и Германия (тени заднего плана)

Роль в сюжете: Хотя прямое действие романа практически не переносится в Германию, она постоянно присутствует в пространстве произведения как невидимый центр притяжения, источник директив, тайных инструкций и имперских амбиций, направляющих действия германской агентуры на британской земле.

Движение сюжета прослеживается по нескольким основным этапам.

1. Германская Восточная Африка — окрестности реки Ириварри

Случайная встреча: Обессиленный сэр Эверард Домини добирается до лагеря барона Леопольда фон Рагастейна.

Замысел операции: Двойники узнают друг друга как прежних товарищей по английской школе и университету. Рагастейн решает воспользоваться их сходством, чтобы проникнуть в британское общество.

Завершение африканского эпизода: Подготавливается устранение Домини. Позднее в Англии появляется человек, называющий себя сэром Эверардом; обстоятельства его возвращения раскрываются постепенно.

2. Возвращение в Англию — Лондон, до начала войны

Дела поместья: Герой посещает своего поверенного мистера Мэнгана из Линкольнс-Инн и объявляет о намерении погасить долги и восстановить имение.

Первые шаги в свете: Встречи с княгиней Эйдерстрём и герцогиней Вустерской показывают, насколько изменился человек, вернувшийся из Африки.

3. Домини-холл — Норфолк, Англия

Возвращение в родное гнездо: Герой приезжает в Норфолк, чтобы вступить во владение поместьем и встретиться с прошлым.

Встреча с Розамундой: Герой пытается восстановить отношения с женой, страдающей от последствий пережитого потрясения.

Преодоление местных призраков: Борьба с деревенскими слухами, семейными тайнами и ночными происшествиями в поместье.

4. Лондон и Норфолк — накануне войны

Светская и политическая жизнь: Домини бывает в аристократическом обществе, общается с герцогом Вустерским, Зееманом и германским послом.

Тайное поручение: Зееман требует особого внимания к князю Тернилову. Дипломатические встречи и личные отношения героя приобретают всё большее значение по мере приближения войны.

Финал: В августе 1914 года, на фоне начавшейся войны, раскрываются тайна Чёрного леса и истинные обстоятельства африканской встречи.

Атмосфера романа

Атмосферу романа определяют предвоенная тревога, светская сдержанность и тайны старого поместья.

Сумрак перед бурей и эстетика двойничества

Атмосфера «Великого перевоплощения» — это уникальное переплетение классического британского аристократического уюта и холодной, пробирающей до мурашек тревоги надвигающейся катастрофы. Оппенгейм мастерски создает мир, в котором под безупречным лакированным фасадом викторианско-эдвардианской эпохи зреет скрытая угроза.

1. Предчувствие грозы (Лето 1914 года)

Кульминация действия приходится на начало Первой мировой войны. Привычная жизнь поместий и лондонских гостиных всё сильнее расходится с тем, что готовится за кулисами дипломатии. Для читателя, знающего дальнейшую историю, светские беседы и уверения в прочности мира приобретают тревожное звучание.

2. Замкнутый круг и паранойя двойничества

Мотив подмены личности задает роману особый психологический тон. Атмосфера пропитана паранойей:

Никому нельзя доверять до конца.

Ближайшие друзья, слуги и даже собственная жена могут оказаться пешками в чужой игре.

Зеркальные отражения, тени прошлого, фальшивые имена и необходимость ежесекундно играть чужую роль создают ощущение постоянного нахождения на краю пропасти, где один неверный шаг или оговорка означают смерть или разоблачение.

3. Контраст дикой природы и цивилизованного света

Роман мастерски играет на контрастах локаций. История начинается во мраке и духоте первобытных джунглей Германской Восточной Африки — среди затерянных рек, лихорадки и полного отречения от цивилизации. Этот дикий, опасный колониальный пролог контрастирует с утонченной, чопорной и туманной Англией: старинными библиотеками норфолкских поместий, тихими парками, звуками камина и шуршанием шелка в салонах высшего света.

4. Благородство и холодный расчёт

Проза Оппенгейма окрашена в тона классического британского стоицизма. Здесь царит культ чести, изысканных манер, сдержанности и хладнокровия даже перед лицом смертельной опасности. Персонажи ведут опаснейшую шахматную партию с каменными лицами, превращая шпионское противостояние в элегантную, но смертельную дуэль умов.

Проработка характеров героев романа

Характеры главных героев раскрываются через противоречие между личными чувствами и обязанностями перед другими людьми и государством.

1. Главные протагонисты и антагонисты (Двойники)

Сэр Эверард Домини

Социальный статус: Английский аристократ, владелец родового поместья в Норфолке.

Исходный образ: До встречи в африканской глуши — падший человек, расточительный игрок, алкоголик и изгнанник, сломленный прошлым скандалом и годами распутства. Его воля истощена тропическими лихорадками и чувством вины.

Психологическая трансформация: Образ Эверарда окутан туманом главной загадки книги. Вернувшись в Англию, этот человек демонстрирует удивительную силу воли, ум и харизму, но действительно ли это деградировавший английский баронет или занявший его место немецкий шпион — ключевой вопрос, который автор держит до самого финала.

Барон Леопольд фон Рагастейн

Социальный статус: Немецкий дипломат и офицер Генерального штаба, элитный шпион.

Характер и мотивация: Человек чести по меркам прусской военной машины, безупречно дисциплинированный, холодный, расчетливый и отважный. Он фанатично предан кайзеру Германии и своей миссии. Находясь в изгнании из-за дуэли (он убил мужа своей возлюбленной), Рагастейн видит в случайной встрече с британским двойником в Африке шанс всей своей жизни — внедриться в высший свет Великобритании, чтобы подготовить почву для грядущей войны.

Конфликт: Его рациональный ум сталкивается с непредвиденными сложностями британской аристократической среды и личными призраками прошлого.

2. Женские образы

Леди Розамунда Домини

Социальный статус: Жена Эверарда Домини.

Характер: Розамунда пережила тяжёлое потрясение. Она кажется хрупкой и беззащитной, но её страх принимает опасную форму: в начале романа она пытается убить вернувшегося мужа. Вместе с тем она сохраняет способность к доверию и нежности.

Роль в сюжете: Розамунда становится лакмусовой бумажкой для «перевоплощения»: она первой чувствует фальшь (или подлинность изменения), заявляя, что перед ней вовсе не тот жестокий Эверард, которого она знала.

Княгиня Стефания Эйдерстрём

Социальный статус: Венгерская аристократка, роковая женщина.

Характер: Страстная, гордая, умная и властная женщина. Бывшая возлюбленная Леопольда фон Рагастейна (из-за нее и состоялась та фатальная дуэль).

Роль в сюжете: Стефания узнаёт в вернувшемся Домини своего возлюбленного. Его настойчивые отрицания, требования секретности и внешнее сходство с Рагастейном становятся для неё источником мучительных сомнений.

3. Окружение и второстепенные персонажи

Мистер Зееман

Характер: Зловещий, скрытный и проницательный немецкий агент в Лондоне, непосредственный соратник фон Рагастейна по шпионской сети. Зееман олицетворяет теневую, угрожающую сторону надвигающейся мировой войны — он фанатичен, лишен сантиментов и блестяще организует диверсионно-разведывательную деятельность.

Князь Тернилов

Социальный статус: Германский посол в Великобритании.

Характер: Редкий для шпионского романа образ честного дипломата-пацифиста. Он искренне верит в возможность предотвратить конфликт между Англией и Германией путем переговоров и взаимного уважения. Тернилов служит моральным противовесом беспринципным милитаристам вроде Зеемана, оставаясь при этом невольной пешкой в большой игре.

Британская элита (Герцог Генри, герцогиня Каролина и др.)

Герцог Генри Вустерский предупреждает о германской угрозе, а его жена Каролина помогает Домини вернуться в общество. Их взгляды и привычки передают одновременно политическую тревогу и устойчивость светского уклада.

Главные психологические мотивы проработки персонажей:

Тема «двойничества» и потеря идентичности: Граница между личностью британского пьяницы и немецкого офицера стирается настолько тонко, что в какой-то момент читатель (и сами герои) перестают понимать, кто есть кто.

Искушение через роль: Тот, кто играет чужую роль, под воздействием обстоятельств, долга и неожиданно проснувшихся чувств начинает меняться изнутри.

Психология шпионажа: Оппенгейм мастерски показывает, как личные страсти (любовь, ревность, жажда мести) переплетаются с холодным долгом государственных интересов в преддверии катастрофы 1914 года.

Язык романа, персонажей, природы

Оппенгейм мастерски использует язык не только как инструмент повествования, но и как самостоятельное художественное средство, задающее атмосферу аристократического элитаризма, тревожного ожидания войны и психологического напряжения. Ниже подробно разобраны три ключевых аспекта языка в романе «Великое перевоплощение»: особенности авторской речи и языка персонажей, а также язык описания природы.

1. Язык романа (Авторский стиль и атмосфера)

Тон светской иронии и светской беседы: В описании британской высшей знати Оппенгейм использует изысканный, немного старомодный, но безупречно вежливый английский синтаксис. Речь идет о «высоком стиле» начала XX века, где диалоги за обеденным столом или в лондонских клубах полны скрытого подтекста, намеков, светской учтивости и британской сдержанности. Никаких лишних эмоций — всё подается через холодноватую элегантность.

Атмосфера надвигающейся тени: Сам язык автора постепенно меняет тональность по мере развития сюжета. В начале преобладают томные описания изнеженной жизни аристократии, но по мере того, как на сцену выходят шпионские интриги Зеемана и фон Рагастейна, лексика насыщается словами из военной и конспирологической сферы: угроза, заговор, миссия, сеть, неизбежность.

Психологический саспенс: Оппенгейм мастерски выстраивает ритм предложений. Короткие, рубленые фразы чередуются с длинными размышлениями, создавая ощущение ментального тупика, в котором пребывают герои, не знающие, кому верить.

2. Язык персонажей (Речевые характеристики)

Речь героев романа глубоко социализирована и отражает их внутренний мир, национальность и скрытые мотивы:

Сэр Эверард Домини (или человек, выдающий себя за него):

Особенности: Его язык претерпевает радикальную метаморфозу. Если в воспоминаниях современников настоящий Домини выражался грубо, несдержанно и цинично, то вернувшийся «герой» говорит на безупречном, интеллигентном и властном английском. В его интонациях сквозит абсолютная уверенность, самообладание и интеллектуальное превосходство. Он мастерски владеет искусством дипломатической паузы.

Барон Леопольд фон Рагастейн:

Особенности: В разговорах в африканском лагере Рагастейн говорит сдержанно и уверенно, подчёркивая значение долга, труда и служения своей стране. Его речь соответствует выучке офицера, привыкшего подчинять личные желания поставленной задаче.

Мистер Зеeman и немецкие агенты:

Особенности: Холодный, расчетливый, безэмоциональный язык деловых людей от шпионажа. В их речи полностью отсутствуют сентиментальность и романтика — только прагматизм, цифры, логистика заговоров и презрение к «наивным британцам».

Женские персонажи (Леди Розамунда и Княгиня Стефания):

Особенности:

Речь Розамунда часто балансирует на грани истерики или детской наивности; в ней много эмоциональных восклицаний, тревожных вопросов и метафор, отражающих ее разрушенную психику.

Речь Стефании — это язык роковой аристократки: утонченный, полный скрытой страсти, сарказма и интеллектуальной игры. Она мастерски поддерживает двойной смысл в разговорах с мужчинами.

3. Язык природы (Пейзаж как зеркало души и предзнаменование)

Оппенгейм уделяет большое внимание пейзажным зарисовкам, используя природу не просто как фон, а как психологический инструмент:

Суровая природа Норфолка: Родовое поместье Домини окружено холодными, продуваемыми ветрами пустошами, туманными болотами и обрывами Северного моря.

Языковые образы: Автор использует мрачную, густую палитру эпитетов: серые волны, свинцовое небо, пронизывающий ветер, тяжелые туманы. Этот пейзаж подчеркивает изоляцию героев, их эмоциональное ожесточение и экзистенциальное одиночество. Природа здесь враждебна и таинственна, она словно затягивает человека в свои сети.

Африканская глушь в начале книги: Жаркий климат, заросли, река и отдалённый лагерь создают обстановку изоляции. Вдали от привычного общества человек оказывается перед угрозой болезни, насилия и смерти.

Природа как предвестие войны: Описания закатов над Лондоном или штормов у восточного побережья Англии у Оппенгейма часто метафоричны — они символизируют «бурю», которая вскоре обрушится на Европу в 1914 году. Природа в романе дышит предчувствием неизбежной катастрофы.

Детали быта в романе

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

ЭДВАРД ФИЛЛИПС ОППЕНГЕЙМ

ДЕТАЛИ БЫТА

Роскошное оформление
интерьера, коллекция книг
и предметов искусства

ИЗЫСКАННАЯ
ОБСТАНОВКА И СТИЛЬ

УСТРОЙСТВО ДОМА

План усадьбы и расположения
комнат

КУЛИНАРНЫЕ СЦЕНЫ

Изысканный завтрак
и традиционная посуда

СЦЕНА СТРОГОГО ЭТИКЕТА

СЛАЖЕННАЯ РАБОТА ПЕРСОНАЛА

Тщательный уход за домом
и подготовка блюд

Уход за серебром

Сервировка стола

Кухонные заботы

Роман Эдварда Филлипса Оппенгейма «Великое перевоплощение» (1920) создавался на стыке эпох: эдвардианская роскошь британской аристократии уже доживает свои последние золотые дни, а на горизонте маячит тень Первой мировой войны. Быт английского высшего света здесь — это не просто декорация, а инструмент демонстрации статуса, традиций и внутреннего порядка, который постепенно подтачивается изнутри шпионскими интригами.

Ниже представлена подробная детализация быта, устройства дома и кулинарных сцен в романе.

1. Устройство дома и аристократический быт (Поместье Домини в Норфолке)

Родовое гнездо Домини — классическое английское поместье в уединенном уголке Норфолка, окруженное суровыми пустошами и холодным морем. Его устройство отражает как величие британской земельной аристократии, так и накопившееся за годы запустение:

Архитектура и интерьеры: Массивное каменное здание с темными дубовыми панелями на стенах, высокими арочными окнами и мраморными каминами. Здесь царит атмосфера тяжеловесной старины: фамильные портреты предков в массивных рамах, тяжелые бархатные портьеры, защищающие комнаты от пронизывающих морских ветров, и антикварная мебель.

Функциональное разделение пространства:

Библиотека и кабинет: Центр притяжения для мужчин-аристократов и шпионов. Здесь ведутся конфиденциальные беседы у камина, хранятся старинные фолианты и оружие. Это место сосредоточения власти и интеллекта.

Гостиные и музыкальные салоны: Женская территория, где пьют чай, музицируют и ведут светские беседы с двойным дном.

Хозяйская спальня и личные покои: Пространство глубоко интимное и в то же время опасное. Именно в спальнях разыгрываются драмы с участием обезумевшей леди Розамунда, пытающейся разоблачить или уничтожить фальшивого мужа.

Слуги и скрытый механизм поместья: Как и другие английские дома этого круга, поместье Домини существует благодаря повседневному труду дворецкого, лакеев, горничных, садовника и егеря. За внешней размеренностью службы скрываются знания о прошлом семьи, личные привязанности и страхи.

2. Кулинарные сцены и гастрономическая культура

Еда и застолья в романе выполняют важную социальную и психологическую роль. Они демонстрируют либо изысканный гедонизм лондонской элиты, либо функциональный аскетизм шпионов.

Традиционный английский завтрак: Сцены утренней трапезы в загородном доме передают неспешность и ритуальность английской жизни. На массивных серебряных подносах подаются традиционные блюда: поджаренный бекон, яйца, овсянка, копченая рыба (кипперс), тосты с маслом и мармеладом, а также крепкий чай. За этим столом читаются утренние газеты и ведутся непринужденные, но полные скрытого напряжения беседы о политике и охоте.

Лондонские обеды и клубы: Когда действие переносится в столицу (в престижные рестораны или закрытые джентльменские клубы Сент-Джеймса), кулинарный фон меняется на высокую европейскую кухню (преимущественно французскую гастрономию, популярную у британской элиты того времени). Обед из нескольких перемен блюд сопровождается подачей дорогих вин и шампанского.

Функция кулинарных сцен в сюжете: Оппенгейм мастерски использует застолья как контраст. Пока герои изящно дегустируют изысканные блюда и ведут светскую болтовню о погоде и скачках, под поверхностью стола (метафорически) плетутся интриги немецкой разведки. Еда здесь — это маска респектабельности, за которой скрывается смертельная игра на выживание.

3. Детали повседневного быта и эпохи эдвардианского комфорта

Одежда как социальная броня: Гардеробу персонажей уделяется большое внимание. Днем мужчины носят безупречные твидовые костюмы для прогулок по поместью или охоты, а вечером обязательно переодеваются в классические смокинги и фраки для обеда. Женщины меняют туалеты несколько раз в день (утренние платья, чайные платья, роскошные вечерние наряды с шелком и кружевами). Одежда подчеркивает жесткие рамки приличий, за пределы которых нельзя выходить.

Транспорт и передвижение: Эпоха перемен отражена в деталях передвижения. Герои пользуются как традиционными конными экипажами и поездами первого класса дальнего следования, так и новейшими по тем временам мощными автомобилями, которые подчеркивают стремительность нового века и ускоряющий темп шпионских маневров.

Курение и мужской досуг: Сигары, трубки и дорогой алкоголь (виски, бренди) в кабинетах и клубах сопровождают все ключевые мужские разговоры. Дым сигар в тусклом свете настольных ламп создает густую, почти осязаемую атмосферу мужского братства, переходящего в тайное противостояние агентов.

Глава I

События, которым суждено было повлечь за собой столь значительные последствия, начались в тот миг, когда Эверард Домини, уже три четверти часа пробиравшийся сквозь густые заросли к тонким спиралям дыма, поднимавшимся над деревьями, заставил своего пони сделать последнее отчаянное усилие. Проломившись сквозь огромный куст олеандра, всадник вылетел на небольшую поляну и рухнул головой вперёд.

Продолжение последовало на следующее утро, когда Домини обнаружил себя — впервые за многие месяцы — на узкой кровати, застеленной чистыми льняными простынями. Над ним простиралась прохладная крыша из переплетённого бамбука, защищавшая от беспощадного солнца.

Он слегка приподнялся на постели.

— Где, чёрт возьми, я нахожусь? — потребовал он ответа.

Темнокожий мальчик, сидевший со скрещёнными ногами у входа в хижину, поднялся, что-то пробормотал и исчез.

Через несколько мгновений в низком дверном проёме показалась высокая, стройная фигура европейца в безукоризненно белом костюме для верховой езды. Пригнувшись, незнакомец вошёл и приблизился к постели Домини.

— Вам лучше? — учтиво осведомился он.

— Да, лучше, — довольно резко отозвался Домини. — Но где, чёрт возьми, я нахожусь? И кто вы такой?

Незнакомец выпрямился. В его осанке чувствовалось достоинство, а в голосе прозвучал едва заметный упрёк.

— Вы находитесь менее чем в полумиле от реки Ириварри, если вам известно, где она протекает, — ответил он. — Приблизительно в семидесяти двух милях к юго-востоку от поселения Даравага.

— Чёрт побери! Значит, я в Германской Восточной Африке?

— Несомненно.

— И вы немец?

— Имею честь им быть.

Домини тихонько присвистнул.

— Ужасно неловко, что я вторгся к вам без приглашения, — сказал он. — Два с половиной месяца назад я вышел из Марлинштейна с двадцатью носильщиками и изрядным запасом провизии. Мы отправились в большой поход на львов. Я взял с собой нескольких новых аскари, и они устроили неприятности: однажды ночью разграбили наши припасы, и тут начался сущий ад. Мне пришлось пристрелить одного или двух, а остальные разбежались. Проклятые негодяи прихватили мой компас, и теперь я почти на сотню миль отклонился от намеченного пути. Не могли бы вы дать мне чего-нибудь выпить?

— С удовольствием, если доктор разрешит, — учтиво ответил незнакомец. — Ян!

Мальчик вскочил, выслушал несколько коротких распоряжений на своём языке и исчез за занавесью из сухой травы, ведущей в соседнюю хижину.

Мужчины обменялись взглядами, в которых читалось нечто большее, чем обычное любопытство. Затем Домини рассмеялся.

— Я знаю, о чём вы думаете, — сказал он. — Когда вы вошли, я и сам порядком опешил. Чёртовски мы похожи, не правда ли?

— Между нами действительно существует поразительное сходство, — признал незнакомец.

Домини подпер голову рукой и принялся разглядывать хозяина.

Сходство было совершенно очевидным, хотя сравнение явно складывалось в пользу человека, стоявшего со скрещёнными руками возле походной кровати.

Первые двадцать шесть лет своей жизни Эверард Домини провёл так, как подобало молодому англичанину его положения: Итон, Оксфорд, несколько лет военной службы, затем несколько лет светской жизни в Лондоне, за которые он умудрился ещё сильнее запутать дела своих и без того обременённых долгами имений. Потом последовали несколько трагических месяцев, а за ними — пустота.

Затем десять лет — сперва в городах, потом в глухих уголках Африки. Годы, о которых никто ничего не знал.

Десять лет назад Эверард Домини, несомненно, был красивым мужчиной. Правильные черты лица сохранились, но глаза утратили блеск, фигура — гибкость, а губы — твёрдость. Он выглядел человеком, преждевременно растратившим свои силы, истощённым лихорадками и разгульной жизнью.

Совсем иное впечатление производил его нынешний собеседник.

Черты его лица были столь же правильными, но словно отлитыми в более крепкой форме. Глаза сияли энергией и внутренним огнём, твёрдые губы и подбородок выдавали человека действия, а высокая фигура отличалась стройностью и подвижностью.

Он казался совершенно здоровым — физически и душевно. Это был человек, привыкший жить с достоинством и, по-видимому, испытывавший определённое удовлетворение от своего существования, несмотря на лёгкую суровость выражения лица.

— Да, — пробормотал англичанин, — сходство несомненное. Пожалуй, я выглядел бы почти как вы, если бы следил за собой. Но я этого не делал. В том-то и беда. Я пошёл совсем другим путём: старался загубить собственную жизнь и, признаться, почти преуспел.

Занавесь из сухой травы отодвинулась, и в хижину вошёл доктор — маленький круглолицый человек, также одетый в безукоризненно белое, с золотисто-жёлтыми волосами и толстыми стёклами очков.

Его соотечественник указал на кровать.

— Осмотрите, пожалуйста, нашего пациента, господин доктор, и назначьте всё необходимое. Он просит выпить. Дайте ему вина или чего-нибудь другого, что пойдёт ему на пользу. Если к вечеру он достаточно окрепнет, пусть присоединится к нашему ужину. Прошу меня извинить: мне необходимо написать донесение.

Лежавший на кровати Домини повернул голову и проводил удалявшегося хозяина взглядом, в котором промелькнула зависть.

— Как зовут моего спасителя? — спросил он доктора.

Тот посмотрел на него так, словно вопрос был почти непочтительным.

— Его превосходительство генерал-майор барон Леопольд фон Рагастейн.

— Вот это титул! — пробормотал Домини. — Он губернатор или что-нибудь в этом роде?

— Он военный комендант колонии, — ответил доктор. — Кроме того, здесь он выполняет особое поручение.

— Чертовски представительный мужчина для немца, — не подумав, заметил Домини с характерной для него бесцеремонностью.

Доктор никак не отреагировал. Он щупал пульс пациента и через несколько минут закончил осмотр.

— В последнее время вы много пили виски, не так ли? — спросил он.

— Не понимаю, какого чёрта это вас касается, — резко ответил Домини, — но я пью виски всякий раз, когда могу его достать. А кто бы не пил в этом проклятом климате!

Доктор покачал головой.

— Климат хорош, если правильно с ним обращаться, — заявил он. — Его превосходительство пьёт только лёгкое вино и сельтерскую воду. Он находится здесь уже пять лет, причём не только здесь, но и на болотах, и за всё это время не болел ни одного дня.

— А я уже добрый десяток раз стоял одной ногой в могиле, — с некоторой бравадой возразил англичанин. — И, признаться, мне совершенно безразлично, когда придёт пора распрощаться с жизнью. Но до тех пор я намерен пить виски всякий раз, когда представится возможность.

— Повар готовит вам завтрак, — сообщил доктор. — Вам будет полезно поесть. Виски сейчас я дать не могу, но вы получите рейнского вина с сельтерской водой и лавровыми листьями.

— Присылайте немедленно! — с воодушевлением откликнулся Домини. — Какое же у меня, должно быть, крепкое здоровье, доктор! От одного запаха стряпни снаружи я готов съесть целого быка.

— Ваш организм ещё достаточно крепок, если только вы станете относиться к нему с уважением, — обнадежил его доктор.

— Не слышно ли чего-нибудь об остальных из моего отряда? — поинтересовался Домини.

— Река вынесла несколько тел аскари, — сообщил доктор, — а двух ваших пони съели львы. Прошу извинить меня. Мне нужно перевязать раны местному жителю, которого прошлой ночью покусал ягуар.

Оставшись один, путешественник неподвижно лежал в хижине, погрузившись в воспоминания.

Он смотрел на расчищенный для лагеря участок земли, покрытый редким кустарником; на начинавшиеся за ним густые заросли и цветущие кусты — таинственные, непроходимые, если не считать грубой слоновьей тропы, по которой он добрался сюда; на широкую реку, голубую, словно небо над ней, и на горы, растворявшиеся вдали в тумане.

Лицо хозяина лагеря пробудило в нём воспоминания о прошлом.

Что-то смутно знакомое настойчиво тревожило память.

Разгадка пришла позже, за ужином.

Все трое — комендант, доктор и сам Домини — сидели за небольшим столом, установленным возле хижины, чтобы наслаждаться слабым ветерком с гор, предвестником быстро надвигавшейся темноты.

Местные слуги отгоняли насекомых бамбуковыми опахалами. Воздух был пропитан тяжёлым, почти удушливым ароматом какого-то экзотического кустарника.

Внезапно Домини воскликнул:

— Да ведь вы Девинтер! Сигизмунд Девинтер! Мы вместе учились в Итоне — пансион Хоррока, полуфинал соревнований по рэккетсу!

— А затем Магдален-колледж, пятое место в лодке, — добавил его собеседник.

— Но какого же чёрта здешний доктор сказал мне, что ваша фамилия фон Рагастейн?

— Потому что это правда, — последовал несколько сдержанный ответ. — Девинтер — моя родовая фамилия, под которой меня знали в Англии. Однако после смерти дяди, когда я унаследовал баронский титул и имения, мне пришлось принять и его титул.

— Ну и тесен же мир! — воскликнул Домини. — А что вас на самом деле сюда привело — львы или слоны?

— Ни то ни другое.

— Хотите сказать, что занялись всей этой политической деятельностью исключительно ради неё самой, а вовсе не ради охоты?

— Именно так. Я и раз в месяц не беру в руки охотничье ружьё, если только не возникает необходимости. Я приехал в Африку совсем по другим причинам.

Домини сделал большой глоток рейнского вина с сельтерской водой и откинулся на спинку стула, наблюдая за светлячками, поднимавшимися над высокой травой и приземистыми кустами. Они зависали в прозрачном фиолетовом воздухе, словно крошечные звёзды.

— Удивительный мир! — задумчиво произнёс он. — Сигги Девинтер, барон фон Рагастейн, торчит здесь, трудится невесть ради чего, обучает чернокожих солдат сражаться бог знает с кем. Политическая машина, полагаю. Будущий генерал-губернатор Германской Африки, а? Вы всегда гордились своей страной, Девинтер.

— Моя страна достойна того, чтобы ею гордились, — торжественно ответил тот.

— Что ж, во всяком случае, вы человек серьёзный, — продолжал Домини. — По-настоящему увлечены каким-то делом. А я... Что ж, со мной всё кончено...

— Со мной всё было бы кончено ещё вчера вечером, если бы я не заметил дым от ваших костров. И, знаете, мне почти безразлично, что со мной станет. Вот в чём беда. Я продолжаю брести наугад, совершая одну глупость за другой. Полагаю, рано или поздно всё как-нибудь закончится... Нельзя ли мне немного рома или виски, Девинтер? То есть фон Рагастейн... Ваше превосходительство... Или как мне теперь следует вас называть? Видите эти полосы тумана над рекой? Если я не выпью чего-нибудь крепкого, они непременно обернутся для меня малярией.

— У меня найдётся кое-что получше и того и другого, — ответил фон Рагастейн. — Буду рад услышать ваше мнение.

Ординарец, стоявший за креслом хозяина, получил приказ, произнесённый вполголоса, исчез в хижине, служившей кладовой, и вскоре вернулся с бутылкой, при виде которой англичанин едва не задохнулся от изумления.

— «Наполеон»! — воскликнул он.

— Мне прислали несколько бутылок, — пояснил хозяин. — Очень приятно предложить его человеку, способному оценить такой напиток.

— Клянусь Юпитером, уж тут-то вы не ошиблись! — заявил Домини, покачивая бокал и любуясь игрой коньяка. — Удивительный мир! Когда я вчера сюда добрался, у меня уже тридцать часов не было во рту ни крошки...

...а несколько дней я пил только отвратительную воду. И вот сегодня вечером — фрикасе из цыплёнка, белый хлеб, превосходное рейнское вино и коньяк «Наполеон». А завтра снова... Кто знает, что будет завтра? Когда вы собираетесь двигаться дальше, фон Рагастейн?

— Не раньше чем через несколько дней.

— Чем же, скажите на милость, вы занимаетесь так далеко от штаба, если не охотитесь ни на львов, ни на слонов? — с любопытством спросил гость.

— Если вам действительно интересно, — ответил фон Рагастейн, — я чрезвычайно досаждаю вашим политическим агентам тем, что переезжаю с места на место и собираю местных жителей для военной подготовки.

— Но зачем вам их обучать? — не отставал Домини. — Некоторое время назад я слышал, что у вас под ружьём вчетверо больше туземцев, чем у нас. Зачем вам здесь армия? Вряд ли вы собираетесь воевать с нами или с португальцами.

— У нас в Германии, — с некоторой назидательностью произнёс фон Рагастейн, — и повсюду, куда приходят немцы, принято готовиться не только к тому, что, вероятнее всего, произойдёт, но и к тому, что вообще может произойти.

— Война в молодости, когда я ещё служил в армии, пожалуй, сделала бы из меня человека, — задумчиво произнёс Домини.

— Но разве у вас здесь не было такой возможности?

Домини покачал головой.

— Наш батальон так и не покинул Британские острова. Всё время просидели в Ирландии. Поэтому я и бросил армию, когда был ещё совсем мальчишкой.

Позднее они отодвинули кресла немного дальше в темноту, закурили сигары и принялись пить удивительно хороший кофе.

Доктор ушёл навестить больного. Фон Рагастейн погрузился в размышления. Гость же, напротив, продолжал предаваться воспоминаниям и рассуждениям.

— Наша встреча, — заметил он, лениво протягивая руку к бокалу, — должна представлять немалый интерес для психолога. Подумать только! Каким-то чудом судьба свела нас здесь, посреди африканских джунглей, чтобы мы провели вместе одну ночь своей жизни. Два человека одного возраста, выросшие вместе за тысячи миль отсюда, теперь движутся к вечной тьме дорогами, более непохожими друг на друга, чем только можно вообразить.

— Сейчас ваши глаза устремлены, — негромко заметил фон Рагастейн, — именно в ту тьму, из-за которой на рассвете взойдёт солнце. Вы увидите, как оно поднимется над горами, точно новый, пылающий мир.

— Не отделяйтесь от меня аллегориями, — раздражённо возразил собеседник. — Вечная тьма существует, даже если моё сравнение не вполне удачно. Сегодня я настроен философствовать. Позвольте мне продолжить. Вот я: в детстве бездельник, в юности безобидный искатель удовольствий, пока не столкнулся с трагедией. А с тех пор — скиталец, скиталец с постепенно укоренявшимся пороком. Я брёл по жизни без определённой цели, без надежд и желаний. Разве что, — продолжал он уже сонным голосом, — мне, пожалуй, хотелось бы быть похороненным где-нибудь у подножия тех гор, по другую сторону реки, из-за которых, как вы говорите, каждое утро поднимается солнце, словно объятый пламенем мир.

— Вы говорите глупости, — возразил фон Рагастейн. — Если в вашей жизни случилась трагедия, у вас ещё есть время оправиться от неё. Вам ведь нет и сорока.

— А потом я смотрю на вас, — продолжал Домини, совершенно не обращая внимания на замечание приятеля. — Вы мой ровесник, но выглядите на десять лет моложе. Ваши мускулы крепки, глаза блестят так же ярко, как в школьные годы. Вы держитесь как человек, знающий, ради чего живёт. Доктор говорит, что каждое утро вы встаёте в пять часов и возвращаетесь сюда совершенно измученным лишь в сумерках. Вы тратите всё своё время на обучение этих несчастных чернокожих солдат. А когда не занимаетесь этим, исследуете местность, проверяете отчёты, отправляемые на родину, стараетесь извлечь пользу из нескольких миллионов акров малярийных болот. Доктор боготворит вас. Но кто ещё знает о ваших трудах? Ради чего вы всё это делаете, друг мой?

— Потому что это мой долг, — спокойно ответил фон Рагастейн.

— Долг! Но почему вы не можете исполнять свой долг у себя на родине, жить нормальной человеческой жизнью, пожимать руки белым мужчинам и смотреть в глаза белым женщинам?

— Я отправляюсь туда, где во мне больше всего нуждаются, — ответил фон Рагастейн. — Мне не доставляет удовольствия обучать туземцев военному делу. Мне не нравится проводить годы вдали от обычных человеческих радостей. Но я следую за своей звездой.

— А я — за блуждающим огоньком, — насмешливо рассмеялся Домини. — Всё ясно как день. Возможно, вы скучный человек — вы всегда были слишком серьёзны, — зато у вас есть принципы. А я лентяй.

— Разница между нами, — произнёс фон Рагастейн, — заключается в том, чему учат молодёжь в нашей стране и чему не учат в вашей. В Англии молодые люди, обладающие небольшим состоянием и благородным происхождением, рассчитывают найти в мире площадку для спортивных развлечений и сад для любовных приключений. Но даже самый могущественный немецкий аристократ обязан трудиться. Именно труд закаляет характер и придаёт жизни устойчивость.

Домини вздохнул. Его сигара, которой он ещё недавно так дорожил, давно погасла между пальцами. В благоухающей темноте, едва освещённой слабым светом прикрытой абажуром лампы позади них, лицо англичанина внезапно показалось белым и старым.

Хозяин наклонился к нему и впервые заговорил тем мягким, дружеским голосом, каким обращался к нему в далёкие годы их юности.

— Вы упомянули о трагедии, друг мой. Вы не одиноки. Трагедия вошла и в мою жизнь. Возможно, сложись всё иначе, я нашёл бы себе дело в более радостных краях. Но меня постигло горе, и потому я здесь.

В глазах Домини вспыхнуло искреннее сочувствие.

— Мы по-разному встретили несчастье, — с горечью произнёс он.

Глава II

Домини проспал до позднего утра следующего дня. Когда он наконец пробудился после долгого сна без сновидений, его поразила необычная тишина, царившая в лагере. Вошедший проведать его доктор сразу же объяснил причину.

— Его превосходительство, — сообщил он после утреннего приветствия, — получил важные депеши с родины. Он отправился на встречу с посланником из Дар-эс-Салама и будет отсутствовать три дня. Он просил вас оставаться нашим гостем до его возвращения.

— Очень любезно с его стороны, — пробормотал Домини. — Есть какие-нибудь новости из Европы?

— Не знаю, — невозмутимо ответил доктор. — Его превосходительство велел передать, что, если вы пожелаете совершить небольшую поездку на юг вдоль берега реки, в вашем распоряжении останутся двенадцать носильщиков и несколько пони. Здесь водится множество львов, а в одном или двух местах, известных местным жителям, можно встретить носорогов.

Домини вымылся, оделся, выпил превосходного кофе и некоторое время бесцельно слонялся по лагерю, пребывая в нерешительном настроении. Ближе к вечеру, когда они с доктором пили чай, он наконец поделился своими мыслями.

— Охота меня сейчас совершенно не привлекает, — признался он. — Я чувствую себя отвратительным нахлебником, но вместе с тем испытываю странное желание ещё раз увидеть фон Рагастейна. Ваш молчаливый начальник чем-то меня завораживает, господин доктор. Это настоящий человек. У него есть то, что я утратил.

— Он великий человек, — с воодушевлением заявил доктор. — Чего бы он ни задумал, непременно добивается своего.

— Полагаю, и я мог бы стать таким, — вздохнул Домини, — будь у меня какая-нибудь цель. Вы заметили наше сходство, господин доктор?

Тот кивнул.

— Я заметил его с первой минуты вашего появления, — подтвердил он. — Вы очень похожи и в то же время совершенно различны. В молодости сходство, должно быть, было ещё поразительнее. Время обошло с вашими лицами соответственно заслугам каждого.

— Ну, незачем уж так усердствовать, — раздражённо запротестовал Домини.

— Я вовсе не усердствую, — с невозмутимым спокойствием ответил доктор. — Я говорю правду. Обладай вы такой же нравственной стойкостью, как его превосходительство, вы могли бы сохранить здоровье и всё то, что действительно имеет значение. Вы могли бы приносить своей стране столько же пользы, сколько он приносит своей.

— Полагаю, я совсем развалина?

— Вы слишком долго злоупотребляли своим здоровьем. Однако жизненных сил у вас ещё немало. Если бы вы пожелали несколько месяцев соблюдать умеренность и владеть собой, то стали бы совершенно другим человеком. Прошу меня извинить. У меня работа.

Домини провёл три беспокойных дня. Даже вид стада слонов в реке и странный, свирепый хор ночных звуков, когда хищные звери бесшумно подкрадывались к лагерю, не могли его взволновать.

Казалось, на время угасла даже его страсть к охоте — последняя нить, связывавшая его с миром настоящих, осязаемых вещей. Какая, в сущности, разница, станет ли одним убитым животным больше или меньше?

Его мысли тревожно возвращались к прошлому, неизменно пытаясь отыскать нечто, чего он никак не мог обнаружить.

На рассвете он наблюдал за удивительным чудом рождения нового дня, преображавшим всё вокруг. По вечерам сидел возле хижины и ждал, пока горы на противоположном берегу реки не утратят свои очертания и не растворятся в фиолетовой темноте.

Разговор с фон Рагастейном лишил его душевного покоя. Сам не понимая почему, Домини желал скорейшего возвращения своего хозяина. Воспоминания, давно переставшие его мучить, вновь проникали в сознание.

В первый день он попытался избавиться от них привычным способом.

— Доктор, у вас ведь найдётся немного виски? — спросил он.

Доктор кивнул.

— Где-то имеется целый ящик, — признался он. — Его превосходительство приказал ни в чём вам не отказывать, но советовал до своего возвращения пить только белое вино.

— Он действительно оставил такое распоряжение?

— Я передал его слово в слово.

Желание выпить виски отступило, затем вернулось, но Домини сумел его подавить. Ночью оно нахлынуло с новой силой: он сел на постели, обливаясь потом, с пересохшим языком.

Вместо виски он выпил литиевой минеральной воды.

Ближе к вечеру третьего дня фон Рагастейн вернулся в лагерь верхом.

Его одежда была изорвана и пропитана чёрной болотной грязью, лицо покрывали толстые слои пыли и земли. Пони едва не рухнул, когда всадник спрыгнул с седла.

И всё же фон Рагастейн остановился, чтобы с безупречной учтивостью приветствовать гостя. Когда мужчины пожали друг другу руки, в глазах хозяина мелькнуло неподдельное удовлетворение.

— Я рад, что вы всё ещё здесь, — сердечно произнёс он. — Простите, мне необходимо вымыться и переодеться. Сегодня поужинаем немного раньше. За весь день я ещё ничего не ел.

— Долгий переход? — с любопытством спросил Домини.

— Я проделал большой путь, — спокойно ответил фон Рагастейн.

К ужину он снова выглядел безукоризненно. На нём был белоснежный полотняный костюм, свежее бельё; он был гладко выбрит, и от недавней усталости почти не осталось следа.

Однако в его манерах появилось нечто новое, озадачившее Домини. Хозяин стал гораздо внимательнее к гостю, но одновременно словно ещё больше отдалился от него душой.

С необыкновенной настойчивостью он направлял разговор к событиям их школьных и университетских лет, к друзьям и родственникам Домини, к последующим обстоятельствам его жизни.

Англичанин чувствовал, что его всячески побуждают рассказывать о прошлом. При этом он постоянно замечал: по какой-то непонятной причине хозяин прислушивается к каждому его слову с исключительным, почти болезненным вниманием.

К ужину подали шампанское, и весьма щедро. Домини разговорился и, не стесняясь, рассказывал о себе всё подряд — пока не приблизился к порогу той единственной потаённой комнаты своей памяти, дверь которой оставалась наглухо закрытой.

После ужина кресла, как и прежде, вынесли на открытый воздух. Молчаливый ординарец предложил сигары ещё большего размера, а бокал Домини вновь наполнился великолепным коньяком.

Доктор отправился в туземное поселение почти в четверти мили от лагеря, а ординарец убрал со стола внутри хижины.

Лишь тёмные силуэты слуг, размахивавших опахалами, едва различались в полумраке. Над головами сияли звёзды.

Мужчины остались одни.

— Я наговорил вам ужасно много всякой чепухи о себе, — заметил Домини. — Теперь расскажите немного о вашей карьере и о жизни в Германии до приезда сюда.

Фон Рагастейн ответил не сразу.

Между собеседниками воцарилось странное молчание. Время от времени по небу пронеслась падающая звезда. Из-за гор всё выше поднимался красноватый край луны.

Тишина африканских зарослей — самая таинственная из всех разновидностей тишины — постепенно словно наполнялась невысказанными страстями.

Вскоре вокруг раздались голоса животных, подбиравшихся всё ближе к костру, горевшему на краю расчищенной площадки.

— Друг мой, — наконец произнёс фон Рагастейн тоном человека, долго обдумывавшего предстоящие слова, — вы спрашиваете меня о Германии, о моей родине. Возможно, вы уже догадались, что не один только долг привёл меня в эти дикие края. Я тоже оставил позади трагедию.

Порыв искреннего сочувствия, охвативший Домини, был подавлен суровой, почти жесткой сдержанностью собеседника.

Казалось, слова вырывались у того из горла с огромным усилием. На его застывшем лице не было ни тени нежности или сожаления.

— Со дня моего изгнания, — продолжал он, — я ни разу не произнёс ни слова об этом деле. Сегодня мной движет не слабость, а желание подчиниться странной власти совпадения. Мы с вами, школьные товарищи и университетские друзья, сыновья разных стран, встретились здесь, в глуши. И у каждого из нас железо в душе. Я расскажу вам, что произошло со мной, а вы поведаете мне о собственном проклятии.

— Не могу! — простонал Домини.

— Но вы расскажете, — сурово ответил фон Рагастейн. — Слушайте.

Прошёл час. Голоса обоих мужчин умолкли.

Вой животных стихал вместе с угасанием костров. Медленный, печальный ветерок шелестел в зарослях и едва заметно рябил поверхность реки.

Первым нарушил молчание фон Рагастейн, словно пробудившийся от глубокого транса.

Он поднялся, скрылся в хижине и через минуту вернулся с двумя стаканами. Один поставил в специальное углубление на подлокотнике кресла своего гостя.

— Сегодня я нарушу правило, которому следовал уже давно, — объявил он. — Выпью виски с содовой. Выпью за всё новое, что ещё может ожидать нас обоих.

— Вы оставляете свою работу здесь? — с любопытством спросил Домини.

— Я часть огромной машины, — уклончиво ответил фон Рагастейн. — Моё дело — повиноваться.

Лицо Домини исказилось от внезапного прилива страсти, которая на мгновение вспыхнула и в его голосе.

— Неужели вы готовы прожить и умереть вот так? — потребовал он ответа. — Разве вам не хочется вернуться туда, где другое солнце согреет ваше сердце и заставит кровь быстрее бежать по жилам? Этот первобытный мир по-своему величествен, но в нём нет ничего человеческого. Это не жизнь для людей!

Он подался вперёд.

— Нам нужны улицы, фон Рагастейн, вам и мне! Нам нужен поток людей вокруг, грохот колёс, гул человеческих голосов. Будь прокляты эти звери! Если я ещё немного поживу в этой стране, то сам начну ходить на четвереньках!

— Вы слишком поддаётесь влиянию окружающей обстановки, — заметил его собеседник. — В городской жизни вы превратились бы в сентиментального человека.

— Ни один город, ни одна цивилизованная страна уже никогда не примут меня обратно, — вздохнул Домини. — У меня просто не хватит мужества встретиться с тем, что может меня там ожидать.

Фон Рагастейн поднялся.

Его высокая, прямая фигура, едва различимая в темноте, казалась по-своему величественной. Он словно возвышался над человеком, полулежавшим в кресле перед ним.

— Допейте виски с содовой за нашу следующую встречу, друг моих школьных лет, — попросил он. — Завтра, прежде чем вы проснётесь, меня уже здесь не будет.

— Так скоро?

— К завтрашней ночи, — ответил фон Рагастейн, — я должен оказаться по ту сторону гор. Нам пора прощаться.

Домини заговорил почти жалобно. Внезапно одиночество стало ему ненавистно.

— Мне ведь тоже скоро придётся отправляться в путь, — возразил он. — На запад, восток или север — какая, в сущности, разница? Не можем ли мы поехать вместе?

Фон Рагастейн покачал головой.

— Я путешествую по служебным делам и обязан ехать один. Что касается вас, завтра лагерь будет свёрнут. Вам предоставят сопровождение и направят туда, куда пожелаете. К сожалению, большего я сделать для вас не могу. Нам придётся проститься.

— Что ж, навязываться я не стану, — с грустью сказал Домини. — И всё же странно встретиться здесь, вдали даже от самых глухих дорог цивилизованного мира, лишь для того, чтобы пожать друг другу руки и разойтись. До смерти надоели мне туземцы и звери!

— Такова судьба, — заключил фон Рагастейн. — Туда, куда я направляюсь, мне придётся идти одному. Прощайте, дорогой друг! Давайте выпьем тот же тост, который мы произнесли в последний вечер в вашей комнате в Магдален-колледже. Помните, тот знаток санскрита перевёл его для нас: «Пусть каждый найдёт то, что ищет!» Мы должны следовать за своей звездой.

Домини горько усмехнулся.

Он указал на огонёк, мерцавший среди зарослей.

— А мой блуждающий огонёк, — безрассудно пробормотал он, — поведёт меня туда, куда я за ним последую... В болота!

Несколько минут спустя Домини опустил на свою постель. Его охватила странная, ничем не объяснимая сонливость.

Фон Рагастейн, зашедший пожелать ему спокойной ночи, несколько мгновений стоял рядом и пристально смотрел на лежавшего человека.

Убедившись, что гость действительно спит, он повернулся и прошёл сквозь занавесь из сухой травы в соседнюю хижину, где его ожидал доктор, всё ещё полностью одетый.

Они заговорили по-немецки, понизив голоса.

— Всё идёт согласно моим распоряжениям? — потребовал фон Рагастейн. В его голосе уже не было прежнего невозмутимого спокойствия.

— Всё, ваше превосходительство! Носильщиков нагружают, а в Вадихуан отправлен гонец с приказом приготовить пони.

— Они знают, что я намерен выступить на рассвете?

— Всё будет готово, ваше превосходительство.

Фон Рагастейн положил руку доктору на плечо.

— Выйдем наружу, Шмидт. Я хочу рассказать вам о своих планах.

Они расположились в длинных плетёных креслах. Доктор сидел прямо, всем своим видом выражая почтительное внимание.

Фон Рагастейн повернул голову и прислушался. Из хижины Домини доносилось глубокое, ровное дыхание спящего человека.

— Я задумал великий план, Шмидт, — начал фон Рагастейн. — Вы знаете, какие известия пришли ко мне из Берлина?

— Ваше превосходительство кое-что мне сообщили, — напомнил доктор.

— День приближается! — провозгласил фон Рагастейн, и голос его дрогнул от глубокого волнения.

Он на мгновение задумался, затем продолжил:

— Время, даже месяц, уже определены. Меня отзывают отсюда, чтобы я занял место, для которого был предназначен. Вы знаете, что это за место? Знаете, почему меня отправили учиться в английскую привилегированную школу, а затем в университет?

— Могу догадаться.

— Я должен поселиться в Англии. Мне предстоит особое задание. Я должен занять там определённое положение, выдавая себя за англичанина. Способ достижения этой цели представлен моей изобретательности. Послушайте, Шмидт. Мне пришла в голову великолепная мысль.

Доктор закурил сигару.

— Я слушаю, ваше превосходительство.

Фон Рагастейн поднялся. Ему показалось недостаточным слышать ровное дыхание гостя. Он подошёл к входу в хижину и внимательно посмотрел на спящего Домини.

Затем вернулся.

— Вы собираетесь сказать нечто такое, чего англичанин не должен услышать? — спросил доктор.

— Именно.

— Но ведь мы говорим по-немецки.

— Языки, — осторожно заметил фон Рагастейн, — оказались единственным дарованием этого человека. Он говорит по-немецки так же свободно, как мы с вами. Впрочем, сейчас это не имеет значения. Он спит и будет продолжать спать. Я подмешал ему снотворное в виски с содовой.

— А! — пробормотал доктор.

— Главное, что мне необходимо в Англии, — это чужая личность, под именем которой я смогу там жить, — пояснил фон Рагастейн. — Я уже принял решение. Я воспользуюсь личностью этого англичанина. Я вернусь в Англию как сэр Эверард Домини.

— Вот как!

— Между нами существует поразительное сходство, а Домини уже восемь или десять лет не встречался ни с одним англичанином, который знал бы его прежде. Если мне встретятся его школьные или университетские товарищи, я сумею убедить их. Я бывал в имении Домини. Знаю его родственников. Сегодня вечером он часами болтал о себе и сообщил мне множество полезных сведений.

— А что насчёт его ближайших родственников?

— Ближе двоюродных братьев и сестёр у него никого нет.

— А жена?

Фон Рагастейн умолк и повернул голову.

Глубокое дыхание из соседней хижины, несомненно, прекратилось. Он поднялся, бесшумно подошёл к входу и заглянул внутрь.

Судя по всему, Домини по-прежнему крепко спал.

Понаблюдав за ним минуту-другую, фон Рагастейн вернулся на своё место.

— Именно в этом и заключается его трагедия, — доверительно произнёс он, ещё больше понизив голос. — Его жена лишилась рассудка. По-видимому, причиной стало потрясение, в котором был виновен он сам. Она могла оказаться единственным препятствием, но теперь её словно не существует.

— Грандиозный замысел! — восторженно прошептал доктор.

— Поистине замечательный! Та великая, незримая Сила, Шмидт, которая покровительствует нашей стране и которой суждено сделать её владычицей мира, должно быть, сама привела этого человека к нам. Моё положение в Англии будет исключительным. Под именем сэра Эверарда Домини я смогу проникнуть в самые закрытые круги высшего общества, а возможно, даже в политические сферы. Если понадобится, я сумею остаться в Англии и после того, как разразится буря.

— А если, — осторожно предположил доктор, — настоящий Домини тоже вернётся в Англию?

Фон Рагастейн повернул голову и пристально посмотрел на собеседника.

— Этого не должно случиться, — произнёс он.

— Вот как! — пробормотал доктор.

На следующий день, ближе к вечеру, Домини в сопровождении двух туземцев выехал из лагеря той же дорогой, по которой прибыл сюда. За плечом у него висело ружьё.

Маленький толстый доктор стоял и смотрел ему вслед, размахивая шляпой, пока всадник не скрылся из виду.

Затем он позвал ординарца.

— Генрих, вы уверены, что у господина англичанина есть виски?

— Все фляги наполнены только виски, господин доктор, — ответил тот.

— В поклаже нет ни воды, ни содовой?

— Ни единой капли, господин доктор.

— Сколько продовольствия?

— Паёк на один день.

— Говядина солёная?

— Очень солёная, господин доктор.

— А компас?

— Показывает с отклонением на десять градусов.

— Носильщики получили распоряжения?

— Они всё прекрасно поняли, господин доктор. Если англичанин не станет пить, они в полночь доставят его туда, где его превосходительство разобьёт лагерь у излучины Голубой реки.

Доктор вздохнул. В глубине души ему было не по себе. — Думаю, — пробормотал доктор, — для англичанина будет лучше, если он всё-таки выпьет.

Глава III

Мистер Джон Ламберт Мэнган, адвокат из Линкольнс-Инна, с нескрываемым изумлением уставился на визитную карточку, которую только что принёс ему младший клерк. Впрочем, изумление быстро сменилось тревогой.

— Боже правый, Харрисон, вы только взгляните! — воскликнул он, протягивая карточку управляющему конторой, с которым только что обсуждал дела. — Домини! Сэр Эверард Домини! Вернулся в Англию!

Старший клерк взглянул на узкий прямоугольник картона и вздохнул.

— Боюсь, сэр, этот клиент доставит вам немало хлопот, — заметил он.

Его работодатель нахмурился.

— Разумеется, доставит! — раздражённо отозвался он. — Из имений больше невозможно выжать ни пенни. Вы и сами это прекрасно знаете, Харрисон. Пособие, которое мы отправляли в Африку последние два квартала, пришлось выплачивать за счёт продажи леса. И какого дьявола ему не сиделось там, где он был!

— Что передать джентльмену, сэр? — спросил мальчик.

— А, проводите его! — сердито распорядился мистер Мэнган. — Рано или поздно мне всё равно придётся с ним встретиться. Харрисон, эти письменные показания я закончу после ленча.

Адвокат придал лицу выражение радушия, подходящего встрече с клиентом, чьи дела, как бы ни были они запутаны, всё же представляли интересы семейства, на протяжении нескольких поколений пользовавшегося услугами его фирмы.

Он приготовился увидеть обедневшего, опустившегося человека, выглядевшего гораздо старше своих лет.

Вместо этого ему пришлось протянуть руку одному из самых элегантных и красивых мужчин, какие когда-либо переступали порог его далеко не роскошной конторы.

Несколько мгновений мистер Мэнган молча смотрел на посетителя.

Затем он заметил знакомые черты: красиво очерченный нос, довольно глубоко посаженные серые глаза. Узнав их, адвокат сумел придать своему приветствию некоторую искренность.

— Дорогой сэр Эверард! — воскликнул он. — Какая неожиданная радость! Совершенно неожиданная! И как досадно, что всего несколько дней назад мы отправили вам очередной перевод вашего содержания. Боже мой! Простите за замечание, но как же прекрасно вы выглядите!

Домини улыбнулся, устраиваясь в удобном кресле.

— Африка — удивительная страна, Мэнган, — заметил он с той едва уловимой покровительственной ноткой, которая напомнила адвокату об отце нынешнего клиента.

— Она... простите, что говорю об этом... сотворила с вами настоящее чудо, сэр Эверард. Позвольте вспомнить... Кажется, мы не виделись одиннадцать лет.

Сэр Эверард постучал кончиком трости по носкам своих тщательно начищенных коричневых ботинок.

— Я уехал из Лондона, — задумчиво произнёс он, — в апреле тысяча девятьсот второго года. Да, одиннадцать лет назад, мистер Мэнган. Наверное, вы можете представить, как странно мне снова оказаться в Лондоне.

— Разумеется, — пробормотал адвокат. — Я как раз подумал... Пожалуй, последний перевод, который мы отправили вам, ещё можно остановить. Несомненно, вам сейчас пригодились бы наличные деньги, — добавил он с уверенной улыбкой.

— Благодарю, но в настоящий момент я в них не нуждаюсь, — последовал поразительный ответ. — О финансовых делах мы поговорим немного позднее.

Мистеру Мэнгану захотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что он не спит.

Он знал нынешнего клиента ещё со школьных лет, принимал его в своей конторе множество раз, но не мог припомнить ни одного случая, когда вопрос о деньгах был бы отвергнут с подобной небрежностью.

— Надеюсь, — произнёс он главным образом ради того, чтобы что-нибудь сказать, — теперь вы намерены на некоторое время обосноваться здесь?

— С Африкой я покончил, если вы об этом, — последовал довольно серьёзный ответ. — А вот останусь ли я здесь, в известной степени зависит от того, что вы мне расскажете.

Адвокат кивнул.

— Думаю, — сказал он, — в отношении дела Роджера Антанка вы можете быть совершенно спокойны. С того самого дня, как вы покинули Англию, о нём никто ничего не слышал.

— Его... тело так и не нашли?

— Ни тела, ни каких-либо следов.

Наступило короткое молчание.

Адвокат пристально посмотрел на Домини, а тот, в свою очередь, испытующе взглянул на адвоката.

— А леди Домини? — наконец спросил посетитель.

— Насколько мне известно, состояние её светлости не изменилось, — с некоторой осторожностью ответил мистер Мэнган.

— Если обстоятельства окажутся благоприятными, — продолжал Домини после ещё одной паузы, — вполне возможно, что я решу поселиться в Домини-холле.

Адвокат, казалось, усомнился в разумности такого намерения.

— Боюсь, сэр Эверард, состояние имения вас чрезвычайно разочарует. Как я неоднократно сообщал вам в письмах, доходы от аренды, за вычетом содержания, назначенного леди Домини, ни разу не покрыли процентов по закладным. Разницу, равно как и ваше пособие, нам приходилось выплачивать из средств, полученных от продажи леса на отдалённых участках владений.

— Очень жаль, — нахмурившись, ответил Домини. — Возможно, мне следовало больше посвящать вас в свои дела. Кстати, — добавил он, — когда... э-э... приблизительно когда вы получили моё последнее письмо?

— Ваше последнее письмо? — переспросил мистер Мэнган. — Мы не имели удовольствия получать от вас известия уже более четырёх лет, сэр Эверард. Единственным подтверждением того, что наши переводы доходили до адресата, служило чрезвычайно быстрое списание средств южноафриканским банком.

— Признаю свою вину, — согласился неожиданный посетитель. — С другой стороны, я был чрезвычайно занят. Если в последнее время до вас не доходили слухи из Южной Африки, Мэнган, полагаю, вы будете удивлены, узнав, что мне удалось заработать весьма значительную сумму.

— Заработать? — ахнул адвокат. — Вы заработали деньги, сэр Эверард?

— Я так и думал, что вас это удивит, — невозмутимо заметил Домини. — Впрочем, сейчас речь не об этом. Деловая цель моего сегодняшнего визита заключается в том, чтобы попросить вас как можно скорее организовать погашение всех закладных на имения Домини.

Мистер Мэнган принадлежал к адвокатам новой школы. Он окончил Харроу и Кембридж, состоял в Батском клубе, предпочитал рэкети и игру в мяч о стену гольфу и большому теннису.

Поэтому вместо старомодного «Господи помилуй!» он воскликнул:

— Вот это да!

Монокль весьма современного вида выпал из его левого глаза. Адвокат откинулся на спинку кресла и сунул руки в карманы.

— Последние три-четыре года мне необыкновенно везло, — продолжал его клиент. — Я заработал на золотых и алмазных приисках, а также на земельных сделках. Боюсь, останься я там ещё на год, я окончательно опустился бы до уровня самого заурядного человека и вернулся бы миллионером.

— Примите мои самые сердечные поздравления! — с трудом выговорил мистер Мэнган. — Простите моё изумление, но вы первый Домини из всех, кого я знал, которому удалось заработать хотя бы пенни. А если вспомнить вас в прежние годы... Уверен, вы простите мне откровенность... Я никогда бы не предположил, что вы даже попытаетесь заняться чем-либо подобным.

Домини добродушно улыбнулся.

— Что ж, — сказал он, — если вы наведёте справки в Объединённом банке Африки, то обнаружите, что на моём счёте имеется несколько больше ста тысяч фунтов стерлингов. Кроме того, у меня есть ещё... скажем, несколько большая сумма, вложенная в первоклассные горнодобывающие предприятия. Окажите мне любезность, мистер Мэнган, пообедайте со мной. Хотя Африка никогда не станет моей любимой темой для бесед, я расскажу вам о некоторых своих операциях.

Адвокат принялся искать шляпу.

— Я велю мальчику вызвать такси, — пробормотал он.

— У меня внизу автомобиль, — сообщил ему этот удивительный клиент. — Прежде чем мы уйдём, не могли бы вы поручить своему клерку составить перечень всех закладных на владения Домини с указанием сроков их погашения и сумм, необходимых для выкупа?

— Я распоряжусь, — пообещал мистер Мэнган. — Думаю, общая сумма составляет менее восьмидесяти тысяч фунтов.

Домини неторопливо прошёл через контору, привлекая пристальное внимание немногочисленных служащих.

Через несколько минут адвокат присоединился к нему на тротуаре.

— Где будем обедать? — спросил Домини. — Боюсь, моё членство в клубах давно утратило силу. Я остановился в «Карлтоне».

— Гриль-ресторан «Карлтона» весьма хорош, — предложил мистер Мэнган.

— Там для меня придерживают столик до половины второго, — ответил Домини. — Значит, там и пообедаем.

Они вместе уселись в автомобиль и отправились в путь.

Вернувшийся путешественник всё время смотрел в окно на оживлённые лондонские улицы. Адвокат же погрузился в размышления.

— Пока не забыл, сэр Эверард, — заговорил он, когда они приближались к месту назначения, — мне хотелось бы ещё раз побеседовать с вами, прежде чем вы отправитесь в Домини-холл.

— По какому-нибудь определённом поводу?

— По поводу леди Домини, — несколько мрачно ответил адвокат.

На лицо его спутника легла тень.

— Её светлость очень изменилась?

— Физически, насколько мне известно, она совершенно здорова. Но душевное состояние осталось прежним. К несчастью, она по-прежнему испытывает к вам ту же сильнейшую неприязнь, которая, боюсь, и послужила причиной вашего отъезда из Англии.

— Говоря прямо, — с горечью произнёс Домини, — она поклялась убить меня, если я когда-нибудь снова стану спать с ней под одной крышей.

— Боюсь, за ней придётся установить строжайший надзор, — уклончиво ответил адвокат. — И всё же считаю своим долгом предупредить вас: время, по-видимому, несколько не ослабило её трагической ненависти.

— Она по-прежнему считает меня убийцей Роджера Антанка? — размеренно спросил Домини.

— Боюсь, что да.

— И полагаю, все остальные придерживаются того же мнения?

— Эта тайна, — признал мистер Мэнган, — так и осталась неразгаданной. Всем известно, что вы дрались в парке и вернулись домой, едва держась на ногах, почти без сознания. А Роджера Антанка с того дня никто больше не видел.

— Если я убил его, — заметил Домини, — почему не нашли тело?

Адвокат покачал головой.

— Разумеется, существует множество предположений, — ответил он. — Но вам следует быть готовым к одному суеверию. В окрестностях Домини-холла едва ли найдётся мужчина или женщина, которые не верили бы, что призрак Роджера Антанка до сих пор бродит по Чёрному лесу, неподалёку от места вашей драки.

— Давайте внесём полную ясность, — настойчиво произнёс Домини. — Если тело когда-нибудь обнаружат, могут ли меня спустя столько лет привлечь к суду по обвинению в непредумышленном убийстве?

— Думаю, на этот счёт вы можете быть совершенно спокойны, — заверил его адвокат.

— Во-первых, я не думаю, что вам вообще предъявят обвинение.

— А во-вторых?

— Во всём этом уголке Норфолка не найдётся ни одного человека, который поверил бы, что тело человека или животного, оставленное в тени Чёрного леса, когда-нибудь снова появится на свет!

Глава IV

По дороге в гриль-ресторан мистер Мэнган на несколько минут задержался в небольшой приёмной, беседуя со знакомыми. Его спутник, переговорив с метрдотелем и заказав коктейль у проходившего официанта, стоял, заложив руки за спину, и наблюдал за входившими мужчинами и женщинами с тем живым интересом, какой вполне естественно испытывать к людям после долгого отсутствия.

Он слегка отошёл в сторону, пропуская компанию молодых людей через переполненный зал, когда вдруг заметил женщину, одиноко стоявшую на верхней из трёх ступеней, покрытых толстым ковром.

Их взгляды встретились. Её глаза, до этого блуждавшие по залу, словно она искала кого-то из знакомых, мгновенно остановились на нём и уже не могли оторваться.

Для немногих посетителей, находившихся поблизости и не подозревавших, что мог означать столь пристальный взгляд женщины, эти двое представляли собой любопытное, почти завораживающее зрелище.

Домини был ростом в шесть футов два дюйма. В нём в полной мере ощущалась естественная аристократическая стать, свойственная людям его круга, а также полувойсковая, полуспортивная выправка, которую он, казалось, каким-то чудом вновь обрёл.

Его лицо было лишь слегка тронутو загаром. Короткие усы, аккуратно подстриженные над верхней губой, имели тот же рыжевато-каштановый оттенок, что и гладко зачёсанные волосы.

Женщина, которая теперь медленно направлялась к нему, была похожего цветового типа, хотя щёки её в эту минуту казались почти неестественно бледными.

Из-под чёрной шляпы сияли рыжевато-золотистые волосы. Она была высокой, с фигурой, напоминавшей греческую статую, — статной, но не тяжеловесной, величественной и вместе с тем ещё молодой.

Под одной рукой она держала маленькую собачку, а в другой несла простую чёрную шёлковую сумочку, украшенную княжеской короной из платины и бриллиантов.

Распорядитель, наблюдавший за её приближением, поклонился с особенной предупредительностью. Но женщина по-прежнему не сводила глаз с мужчины, завладевшего всем её вниманием.

Она подошла к нему. Губы её слегка разомкнулись.

— Леопольд! — дрогнувшим голосом произнесла она. — Святые угодники! Почему ты не предупредил меня?

Домини едва заметно поклонился. Его ответ прозвучал сухо и несколько официально.

— Мне очень жаль, — сказал он, — но, боюсь, вы ошиблись. Меня зовут не Леопольд.

Она замерла, глядя на него так, словно вовсе не слышала его учтивого возражения.

— В Лондоне! — прошептала она. — Из всех мест на свете! Скажи, что это означает?

— Могу лишь повторить, сударыня, — произнёс он, — что, к моему глубокому сожалению, я не имею чести быть с вами знакомым.

Она явно растерялась, однако нисколько не усомнилась в своей правоте.

— Ты хочешь отрицать, что ты Леопольд фон Рагастейн? — недоверчиво спросила она. — Ты меня не узнаёшь?

— Сударыня, — ответил он, — к сожалению, я не имею удовольствия вас знать. Меня зовут Домини. Эверард Домини.

На мгновение показалось, что женщина пытается справиться с волнением, близким к настоящему душевному потрясению.

Затем она положила палыцы на его рукав и отвела в более уединённый угол небольшой комнаты.

— Леопольд, — прошептала она, — ничто не может сделать твой визит ко мне предосудительным или неосторожным. Мой адрес — Белгрейв-сквер, семнадцать. Я хочу видеть тебя сегодня вечером, в семь часов.

— Но, дорогая сударыня... — начал Домини.

Её глаза внезапно вспыхнули.

— Я не позволю тебе играть со мной! — настойчиво произнесла она. — Если ты желаешь добиться успеха в том замысле, который задумал осуществить, тебе не следует превращать меня во врага. Я буду ждать тебя в семь часов.

Она оставила его и направилась в ресторан.

Мистер Мэнган, наконец освободившийся от своих знакомых, присоединился к спутнику. Оба заняли боковой столик, к которому их проводили с многочисленными знаками внимания.

— Скажите, разве это не княгиня Эйдерстрём, с которой вы только что разговаривали? — с любопытством спросил адвокат.

— Одна дама приняла меня за другого, — пояснил Домини. — Как ни странно, она перепутала меня с человеком, которого в Оксфорде называли моим двойником. Тогда его звали Сигизмунд Девинтер, хотя, кажется, позднее он унаследовал титул.

— Княгиня весьма известная особа, — заметил мистер Мэнган. — Одна из богатейших вдов Европы. Её муж был убит на дуэли лет шесть или семь назад.

Домини тщательно выбрал блюда для завтрака. Один раз он даже произнёс несколько слов по-немецки, помогая официанту, который с трудом говорил по-английски.

Его спутник улыбнулся.

— Вижу, там, в африканской глуши, вы не забыли иностранных языков.

— У меня не было такой возможности, — ответил Домини. — Пять лет я провёл у границ Германской Восточной Африки и регулярно торговал с некоторыми тамошними немцами.

— Кстати, — спросил мистер Мэнган, — как мы там, в Африке, ладим с немцами?

— Превосходно, полагаю, — небрежно ответил Домини. — У меня с ними никогда не было неприятностей.

— Разумеется, для вас всё это будет новостью, — продолжал поверенный, — но за последние несколько лет англичане разделились на два лагеря: одни верят, что немцы хотят начать войну и сокрушить нас, другие — нет.

— Значит, с моим возвращением число неверящих увеличилось на одного.

— Сам я пока сомневаюсь, — заметил мистер Мэнган. — И всё-таки не вполне понимаю, зачем Германии такая огромная армия и почему она непрерывно увеличивает флот.

Домини на минуту отвлёкся, обсуждая с метрдотелем соус, но вскоре вернулся к прежней теме.

— Конечно, — сказал он, — мои суждения основаны лишь на газетах и разговорах с немцами, которых я встречал в Африке. Но что касается армии, я объяснил бы её размеры соседством России и Франции. Чем она сильнее, тем меньше опасность общеевропейского пожара. Россия в любую минуту может решить, что лишь война спасёт её от революции; а чувства французов по поводу Эльзаса и Лотарингии вам известны не хуже, чем мне. Сами немцы говорят, что в России сейчас больше интересуются военным делом и добиваются в нём больших успехов, чем когда-либо прежде.

— Не сомневаюсь, что вы правы, — согласился мистер Мэнган. — Во всяком случае, теперь это много обсуждают. Но поговорим о ваших собственных планах. Чем вы намерены заняться, скажем, в ближайшие несколько недель? Вы уже навестили кого-нибудь из родственников?

— Ни одного, — ответил Домини. — Боюсь, мне не слишком хочется делать первый шаг. Мистер Мэнган кашлянул.

— Не забывайте: когда вы в последний раз жили в Лондоне, вы постоянно сидели без денег. Несомненно, это несколько влияло на отношение людей, которые в иных обстоятельствах были бы с вами приветливее.

— Меня вполне устроило бы никогда больше ни с кем из них не встречаться, — совершенно искренне заявил Домини.

— Это, разумеется, невозможно, — возразил поверенный. — Во всяком случае, герцогиню вы обязаны навестить. Она всегда за вас заступалась.

— Герцогиня всегда была ко мне очень добра, — с некоторым сомнением признал Домини, — но, боюсь, к моему отъезду из Англии я успел ей порядком надоест.

Мистер Мэнган улыбнулся. Он наслаждался превосходным завтраком, и трудно было поверить, что заказал его человек, только что вернувшийся из африканской глуши. А уж говорить о герцогинях поверенный любил особенно.

— Её светлость... — начал он.

— Что же?

Поверенный умолк, не отрывая глаз от пары за соседним столиком. Он наклонился к своему спутнику.

— Сама герцогиня, сэр Эверард, прямо позади вас. С лордом Сент-Омаром.

— Это заведение, несомненно, место встречи всего света, — заметил Домини, протягивая руку подошедшему к столику человеку. — Зееман, друг мой, добро пожаловать! Позвольте представить вас моему другу и поверенному, мистеру Мэнгану. Мистер Зееман.

Мистер Зееман был невысоким толстяком, безукоризненно одетым в самый обычный утренний костюм. Голова его почти совсем облысела; лишь по бокам уцелело по маленькому пучку волос, да несколько длинных светлых прядей были тщательно зачёсаны назад по блестящей макушке. Лицо, необыкновенно круглое, сужалось к острому подбородку; глаза были живыми и пронизательными, а рот словно принадлежал профессиональному оратору. Он пожал руку поверенному с пылкостью, мало похожей на английскую сдержанность.

— За какие-нибудь полчаса, — продолжал Домини, — я встречаю княгиню, которая желает признать меня своим знакомым; кузину, — он немного понизил голос, — завтракающую в нескольких столиках отсюда; и человека, которого за последние десять лет видел чаще всех прочих, хотя и в несколько иной обстановке. Не правда ли, Зееман?

Зееман сел на принесённый официантом стул. Поверенный сразу заинтересовался.

— Правильно ли я понимаю, — обратился он к новоприбывшему, — что вы знали сэра Эверарда в Африке?

Зееман просиял.

— Знал его? — переспросил он, и первые же слова выдали в нём иностранца. — Никого я не знал так хорошо! Мы вели дела вместе, много дел. А когда не были компаньонами, сэр Эверард обыкновенно оставался в выигрыше.

Домини рассмеялся.

— Удача приходит либо рано, либо поздно. Ко мне она пришла поздно. Кажется, Зееман, вы были моим талисманом. За те годы, что мы вели дела вместе, у меня ни одной осечки не случилось.

Зееман слегка разволновался. Ладонью он взъерошил один из пучков волос над ухом и положил пухлую руку поверенному на плечо.

— Послушайте меня, мистер Мэнган. Я продаю этому человеку контрольный пакет акций рудника. Четыре с половиной года я держал эти акции и не получил ни пенни дивидендов. Продаю, заметьте, по номиналу. Мне нужны деньги, и я считаю, что дал этим бумагам достаточно времени проявить себя. А через пять недель — через пять недель, сэр! — повторил он,

стараясь говорить тише, как подобало в приличном обществе, — они поднимаются до четырнадцати с половиной номиналов! Сегодня стоят двадцать. Он заплатил мне пять тысяч фунтов. А сегодня может прийти на вашу биржу и продать их за сто тысяч. Вот как зарабатывают деньги в Африке, мистер Мэнган, где простаков вроде меня встречаешь на каждом шагу!

Домини налил вина и передал бокал гостю.

— Полноте, у всех бывают подъёмы и падения. Африка перед вами не в долгу, Зееман.

— Я тоже кое-чего добился, в меру своих сил, — признал Зееман, перебирая пальцами ножку бокала. — Но там, где мне приходилось трудиться в поте лица, сэр Эверард просто приказывал судьбе сыпать ему в руки сокровища.

Поверенный слушал этот полушутливый разговор с любопытством и удовольствием. Теперь ему представился случай вмешаться.

— Значит, в Африке вы действительно были друзьями? — спросил он со странным, почти необъяснимым облегчением.

— Если сэр Эверард позволяет мне так называть наши отношения, — ответил Зееман. — Мы вели дела в больших городах: в Йоханнесбурге и Претории, в Кимберли и Кейптауне. Вместе искали месторождения в глуши, пересекали вельд и на многие месяцы пропадали из виду. Мы вместе видели подлинные чудеса Африки, а не только её безвкусную цивилизацию.

— И вы тоже отошли от дел? — спросил мистер Мэнган.

Улыбка Зеемана стала почти блаженной.

— Та самая сделка, благодаря которой состояние сэра Эверарда достигло столь внушительных размеров, принесла мне скромную сумму, которую я поклялся скопить до возвращения в Англию. Да, я больше не зарабатываю деньги. Теперь я снова берусь за настоящее дело своей жизни.

— Если вы собираетесь рассказывать о своём увлечении, — заметил Домини, — лучше попросите подать вам завтрак сюда.

— Я позавтракал ещё до вашего прихода, — ответил приятель. — Выпью с вами ещё бокал вина. А потом, пожалуй, ликёру — кто знает? Здешний климат благоприятен: можно пить сколько угодно. Сэр Эверард и я, мистер Мэнган, бывали в местах, где приходилось бороться с жаждой и где месяцами единственным нашим излишеством оставался жиденький бренди с водой.

— Расскажите мне об этом вашем увлечении, — попросил адвокат.

Домини тотчас вмешался:

— Протестую! Если он начнёт об этом рассказывать, мы просидим здесь до самого вечера.

Зееман развёл руками и покачал головой.

— Но я вовсе не настолько несносен! — возразил он. — Всего несколько слов, хорошо? Прекрасно!

И он торопливо заговорил, словно опасаясь, что его снова перебьют:

— Прежде всего, мистер Мэнган, вы должны знать следующее. Я немец по рождению, но ради деловых интересов принял британское подданство. Я люблю Германию и благодарен Англии. Третью своей жизни я провёл в Берлине, треть — здесь, в Лондоне, в Форест-Хилле и Сити, а ещё треть — в Африке. Я наблюдал, как между двумя странами росли торговое соперничество и взаимная ревность. В этом нет никакой необходимости. Более того, всё это может привести к гораздо худшим последствиям. Я хотел бы положить этому конец. Моя цель — создать союз, который способствовал бы установлению более сердечных общественных и деловых отношений между народами Великобритании и Германской империи. Вот и всё! Разве я отнял у вас много времени? Разве не могу рассказать о своём увлечении без бесконечного потока слов?

— Вы были сама краткость, — признал Мэнган. — И я от всей души поздравляю вас с вашим замыслом. Если вам удастся привлечь нужных людей, такое общество может оказаться чрезвычайно полезным.

— В Германии нужные люди у меня уже есть. Все немцы, которые живут интересами своей страны и искренне переживают за неё, ненавидят саму мысль о войне. Нам нужен мир, нам нужны друзья. И, говоря с вами как деловой человек с деловым человеком, — заключил он, похлопав адвоката по рукаву, — Англия — наш лучший покупатель.

— Хотелось бы верить, — заметил Мэнган, — что именно такие настроения преобладают в вашей стране.

Зеэман неохотно поднялся.

— В половине третьего, — объявил он, взглянув на часы, — у меня назначена встреча с фабрикантом шерстяных тканей из Брэдфорда. Надеюсь убедить его войти в совет нашего общества.

Он церемонно поклонился адвокату, дружески кивнул Домини и, сохраняя свой оживлённый, добродушный вид, поспешил к выходу.

— Полагаю, человек он основательный и деловой, — заметил Мэнган. — Желаю успеха его союзу. А вам, сэр Эверард, тоже придётся найти себе новые занятия. Почему бы не заняться политикой?

— Подозреваю, что поначалу мне будет нелегко привыкнуть к здешней жизни, — признался Домини, пожав плечами. — Многие увлечения молодости уже перестали меня интересовать, и я очень боюсь, что мои английские друзья сочтут меня провинциалом из колоний. Не могу представить, чтобы я до конца своих дней сидел без дела в Норфолке. Возможно, пойду в парламент.

— Простите за откровенность, — порывисто произнёс его собеседник, — но за всю свою жизнь я ещё не видел, чтобы десять лет настолько изменили человека.

— Колонии, — изрёк Домини, — либо губят человека, либо исцеляют его. Ты получаешь свою порцию ударов и выходишь из испытания более сильным — или погибаешь. Сам я едва не погиб, но в последний момент сумел взять себя в руки. Теперь я ни за что на свете не согласился бы отказаться от пережитых трудностей.

— Если позволите, — произнёс мистер Мэнган с унаследованной от предков напыщенностью, — при нашей первой встрече в столь изменившихся обстоятельствах я хотел бы от всего сердца поздравить вас не только с тем, чего вы достигли, но и с тем, каким человеком стали.

— И, надеюсь, — ответил Домини с чуть серьёзной улыбкой и странным блеском в глазах, — с тем, чего мне ещё предстоит достичь.

Герцогиня и её спутник поднялись из-за стола. Направляясь к выходу, герцогиня узнала своего поверенного и благосклонно остановилась.

— Как поживаете, мистер Мэнган? — спросила она. — Надеюсь, вы занимаетесь моими несносными арендаторами в Лестершире?

— В надлежащее время мы представим вам отчёт, ваша светлость, — заверил её Мэнган. — Позвольте, — добавил он, — напомнить вам об одном родственнике, недавно вернувшемся из-за границы. Сэр Эверард Домини.

Домини уже поднялся и теперь протянул руку.

Герцогиня была высокой, изящной женщиной с пышными светлыми волосами, лишь слегка тронутыми сединой, прекрасными карими глазами, девичьим цветом лица и, по её собственному признанию, манерами кухарки.

Несколько мгновений она смотрела на него, не отвечая на приветствие.

— Сэр Эверард Домини? — повторила она. — Эверард? Какая нелепость!

Домини тотчас опустил протянутую руку, а робкая улыбка исчезла с его губ.

Адвокат поспешил вмешаться:

— Уверю вашу светлость, — настойчиво произнёс он, — никаких сомнений в личности сэра Эверарда быть не может. Он вернулся из Африки всего несколько дней назад.

Герцогиня по-прежнему не верила. Впрочем, её недоверие оставалось совершенно добродушным и лишь подкреплялось природным упрямством.

— Никак не могу заставить себя поверить! — объявила она. — Хорошо, я вас проверю. Когда мы виделись в последний раз?

— В Вустер-хаусе, — немедленно ответил Домини. — Я приезжал попрощаться с вами.

Герцогиня слегка растерялась. Её взгляд смягчился, уголки губ тронула едва заметная улыбка. В эту минуту она выглядела необыкновенно привлекательной.

— Вы приезжали попрощаться, — повторила она, — и?..

— Мне следует считать это продолжением испытания? — спросил Домини, выпрямившись и глядя ей прямо в глаза.

— Как пожелаете.

— Тогда вы были ко мне несколько добрее, чем сегодня, — продолжал он. — Вы пода-рили мне... вот это.

Он вынул из бумажника маленький портрет.

— И позволили мне...

— Ради всего святого, спрячьте эту вещь! — воскликнула герцогиня. — И больше ни слова! Вон мой взрослый племянник, Сент-Омар, расплачивается почти рядом с нами. Приходите ко мне сегодня в половине четвёртого и не опаздывайте ни на минуту.

Затем, повернувшись к молодому человеку, который уже стоял возле неё, она продолжила:

— А вы, Сент-Омар, познакомьтесь с вашим родственником — сэром Эверардом Домини. Он ужасный человек, но всё-таки пожмите ему руку. А теперь идёте. Я уже на полчаса опоздала к портнихе.

Лорд Сент-Омар неопределённо усмехнулся, пожал руку вновь обрётённому родственнику, приветливо кивнул адвокату и последовал за тёткой к выходу.

Лицо Мэнгана сияло блаженством.

— Сэр Эверард! — воскликнул он. — Благослови вас Бог! Наконец-то одна женщина получила по заслугам! Я видел, как покраснела герцогиня! Впервые в жизни!

Глава V

Вустер-хаус принадлежал к числу тех полудворцовых особняков, которые словно без всякой видимой причины возникли посреди Риджентс-парка. Один из прежних герцогов приобрёл его по настоянию принца-регента, своего близкого друга, а последующие поколения сохранили особняк, словно выражая молчаливый протест против уродливых зданий, превративших Парк-лейн в улицу миллионеров.

Домини сначала подвергся пристальному осмотру привратника в светло-жёлтом жилете и шёлковой шляпе. Затем его встретил дворецкий в просторном каменном холле. Другой слуга, также одетый в светло-жёлтый жилет, провёл гостя через гостиную, обставленную в необыкновенно викторианском вкусе.

Наконец Домини оказался в маленьком будуаре, примыкавшем к большой комнате и выходившем в зимний сад, наполненный благоуханием экзотических растений.

Герцогиня полулежала в глубоком кресле. Она протянула гостю руку, которую он почтительно поднёс к губам, указала на кресло рядом с собой и вновь принялась разглядывать его с нескрываемым любопытством.

— Знаете, с вами что-то не так, — объявила она.

— Как прискорбно, — ответил он, — особенно когда я возвращаюсь и нахожу вас совершенно неизменившейся.

— Неплохо, — критически заметила она. — Но всё-таки я изменилась. Я больше нисколько в вас не влюблена.

— Именно страх перед такой переменой в ваших чувствах, — вздохнул он, — и удерживал меня так долго в самых отдалённых уголках света.

Она посмотрела на него со строгостью, которая была явно напускной.

— Послушайте, — сказала она, — нам лучше сразу договориться об одном. Я прекрасно знаю, в каком положении находятся ваши дела. Знаю также, что двести фунтов в год, которые ваш поверенный высылал вам, добывались отчасти продажей нескольких старых деревьев, а отчасти из его собственного кармана. Как вы собираетесь жить здесь, я совершенно не представляю. Но даже не рассчитывайте, что Генри сможет что-нибудь для вас сделать. У бедняги едва хватает карманных денег на дорожные расходы, когда он разъезжает со своими лекциями.

— Лекциями? — переспросил Домини. — Что случилось с бедным Генри?

— Мой муж — человек исключительно добросовестный, — с достоинством ответила герцогиня. — Он ездит из города в город с лордом Робертсом и секретарём и читает лекции о национальной обороне.

— Милый Генри всегда был немного чудаковат, не правда ли? — заметил Домини. — Но позвольте успокоить вас относительно другого обстоятельства, Каролина. Уверяю, я вернулся в Англию не затем, чтобы занимать деньги, а затем, чтобы их тратить.

Его кузина печально покачала головой.

— А ведь несколько минут назад я чуть было не сказала, что вы утратили чувство юмора!

— Я говорю совершенно серьёзно, — настаивал он. — Африка оказалась для меня настоящим Эльдорадо. Признаюсь, совершенно неожиданно под конец моего пребывания там мне досталась весьма значительная сумма. Я немедленно погашаю все закладные на имение Домини и хочу, чтобы Генри записал на бумаге те небольшие суммы, которые он был так любезен одолжить мне в прежние годы.

Каролина, герцогиня Вустерская, несколько мгновений сидела совершенно неподвижно, с открытым ртом. Выражение это было вполне естественным, хотя и не слишком её украшало.

— И вы хотите сказать, что действительно Эверард Домини? — воскликнула она.

— По-видимому, большинство свидетельств говорит именно об этом, — пробормотал он.

Он нарочито придвинул кресло немного ближе, взял её руку и поднёс к губам. Его лицо оказалось опасно близко от её лица.

Она отстранилась — и слишком поспешно.

— Дорогой Эверард, — прошептала она, — Генри дома! Кроме того... Да, пожалуй, вы действительно Эверард. Только что в ваших глазах было нечто совершенно такое же, как у него. Но до чего же вы стали чопорным! Вы там, случайно, не занимались строевой подготовкой?

Он покачал головой.

— Половину времени проводишь в седле.

— И вы действительно богаты? — снова спросила она с изумлением.

— Останься я там ещё на год, — ответил он, — и сумею жениться на голландской еврейке, я вполне мог бы претендовать на особняк на Парк-лейн.

Она вздохнула.

— Это просто невероятно. Генри будет счастлив получить свои деньги обратно.

— А вы?

На её лице появилось почти страдальческое выражение.

— Вы совершенно растеряли свои манеры, — пожаловалась она. — Ухаживаете с изяществом садовых граблей. Произнося эти два последних слова, вы должны были склониться ко мне с дрожью в голосе. А вместо этого сидите словно по стойке смирно, и в глазах у вас прямо-таки стальной блеск.

— Там женщину видишь раз в сто лет, — попытался оправдаться он.

Она покачала головой.

— Вы изменились. Прежде у вас было какое-то шестое чувство: вы всегда находили безошибочно верный тон для любовных признаний и умели сказать именно то, что нужно, именно так, как нужно.

— Немного практики — и всё вернётся, — с надеждой заявил он. — Особенно если мне помогут.

Она состроила гримаску.

— Вам не понадобится помощь такой старухи, как я, Эверард. Весь Лондон будет у ваших ног. Вы сможете развлекаться с актрисами музыкальных комедий, флиртовать с нашими замужними красавицами или... Простите, Эверард, я забыла.

— Что вы забыли? — твёрдо спросил он.

— Забыла о трагедии, которая в конце концов заставила вас уехать за границу. Забыла о вашем браке. Есть какие-нибудь перемены в состоянии вашей жены?

— Боюсь, почти никаких.

— А мистер Мэнган считает, что теперь вам безопасно находиться здесь?

— Совершенно безопасно.

Она посмотрела на него с искренним участием. Возможно, даже самой себе она никогда не признавалась, насколько была привязана к этому беспутному кузену.

— Увидите, теперь никто не скажет о вас дурного слова, — заверила она. — Раз вы разбогатели и исправились, вам простят всё, что вы пожелаете предать забвению. Когда вы приедете к нам обедать и встретитесь со всей роднёй?

— Когда вы будете так добры, что пригласите меня, — ответил он. — Я собирался завтра отправиться в Домини-холл.

В её глазах появилось новое выражение — отчасти страх, отчасти восхищение.

— Но... ваша жена?

— Насколько мне известно, она там, — сказал он. — Ничего не поделаешь. Я и так слишком долго оставался изгнанником в собственном доме.

— Не ездите! — неожиданно взмолилась герцогиня. — Почему бы вам не набраться мужества и не распорядиться, чтобы её перевезли в другое место? Я знаю, какое у вас доброе сердце, но вы должны подумать о своём будущем, о карьере. Да и ради неё самой вам не следует предоставлять ей возможность...

Домини так никогда и не смог решить, был ли он рад последовавшему вмешательству или нет.

Каролина внезапно оборвала речь и предостерегающе взглянула в сторону большой комнаты.

Высокий седовласый мужчина в старомодной одежде и пенсне отодвинул портьеру. Он обратился к герцогине тонким, слегка скрипучим голосом:

— Дорогая Каролина, я... Ах, простите, пожалуйста! Я не знал, что ты занята. Мы не станем задерживаться, но мне хотелось бы представить тебе одного молодого друга, который сегодня вечером будет помогать мне на собрании.

— Непременно пригласи его, — ответила жена, и голос её снова приобрёл привычную ленивую интонацию. — А у меня тоже приготовлен для тебя сюрприз, Генри. И, думаю, очень большой!

Домини поднялся — высокий, внушительный — и стал ждать приближения гостей.

Герцог подошёл, вопросительно поглядывая на него. Молодой человек, в котором, несмотря на штатскую одежду, безошибочно угадывался военный, держался немного позади.

— Признаюсь, вы меня удивили, — учтиво произнёс герцог. — Ваше лицо кажется мне чрезвычайно знакомым, сэр, но я никак не могу припомнить, где имел удовольствие с вами встречаться.

— Вот видите, Эверард, — заметила Каролина, — не одна я не признала вас с первого взгляда. Генри, это Эверард Домини, вернувшийся из добровольного изгнания за границей и исправившийся во всех отношениях.

— Как поживаете? — спросил Домини, протягивая руку. — Кажется, моё появление всех удивляет, но надеюсь, вы не совсем меня забыли.

— Боже милостивый! — воскликнул герцог. — Неужели вы действительно Эверард Домини?

— Несомненно, это я, — спокойно заверил его гость.

— Поразительно! — объявил герцог, пожимая ему руку. — Поразительно! Никогда в жизни не видел такой перемены. Да-да, теперь узнаю: тот же цвет лица, конечно, нос, глаза... Да-да! Но вы словно стали выше и держитесь как военный. Боже мой! Африка сотворила с вами настоящее чудо. Чрезвычайно рад, дорогой Эверард! Чрезвычайно!

— Вы обрадуетесь ещё больше, когда услышите остальные новости, — сухо заметила его жена. — А пока представь нам своего друга.

— Совершенно верно, — согласился герцог, поворачиваясь к молодому человеку, стоявшему позади. — Прошу простить меня, дорогой капитан Бартрам. Неожданное возвращение родственника моей жены должно послужить оправданием моей невежливости. Позвольте представить вас герцогине. Капитан Бартрам только что вернулся из Германии, дорогая, и является горячим сторонником нашего дела. А это сэр Эверард Домини.

Каролина приветливо пожала руку протеже своего мужа, а Домини обменялся с ним серьёзным рукопожатием.

— Значит, и вы, капитан Бартрам, принадлежите к числу тех, кто убеждён, что Германия замышляет против нас недоброе? — с улыбкой спросил Домини.

— Я только что вернулся из Германии, где провёл двенадцать месяцев, — ответил молодой офицер. — Отправлялся туда без всяких предубеждений, но вернулся убеждённым, что в течение ближайших двух лет мы окажемся в состоянии войны с Германией.

Герцог энергично закивал.

— Наш молодой друг совершенно прав, — заявил он. — Уже много месяцев, трижды в неделю, я пытаюсь втолковать эту истину горстке тупоголовых англичан, которые снисходят до посещения наших собраний. Я успел надоесть и палате лордов, и прессе. Ужасно сознавать, как трудно заставить англичанина задуматься, пока он зарабатывает деньги и наслаждается жизнью. Вы ведь только что вернулись из Африки, Эверард?

— Меньше недели назад, сэр.

— А немцев там встречали? Бывали поблизости от их колонии?

— Последние несколько лет я поддерживал с ними отношения, — ответил Домини.

— Чрезвычайно интересно! — воскликнул герцог. — Вы можете оказаться нам полезны, Эверард. Весьма полезны! Скажите, разве неправда, что у них там действуют тайные агенты, пытающиеся вызвать беспорядки и недовольство среди буров? Разве неправда, что они ожидают скорой войны с Англией и намерены поднять против нас население колонии?

— Мне очень жаль, — ответил Домини, — но я совершенно не занимаюсь политикой. Все немцы, которых я там встречал, производили впечатление исключительно миролюбивых людей. И я не замечал ни малейшего недовольства ни среди буров, ни среди кого-либо ещё.

Лицо герцога вытянулось.

— Весьма удивительно!

— Единственные люди, у которых, по-видимому, имеются причины для недовольства, — продолжал Домини, — это английские поселенцы. Сам я начал добиваться успеха лишь несколько лет назад, но слышал довольно странные истории о том, как обращались с нашими соотечественниками после войны.

— Ваши слова о Южной Африке, сэр Эверард, безусловно, интересны, — заметил молодой офицер, — но должен признаться, что они прямо противоречат всему, что мне доводилось слышать.

— И мне тоже! — горячо подхватил герцог.

— Я прожил там последние одиннадцать лет, — продолжал Домини, — и хотя в первые годы главным образом странствовал в поисках крупной дичи, в последнее время, признаюсь, все мои мысли и силы были направлены на зарабатывание денег. Возможно, именно поэтому мои наблюдения оказались ошибочными. Позвольте мне посетить одно из ваших ближайших собраний, герцог. Я постараюсь разобраться в этом вопросе.

Его высокородный родственник несколько мгновений с любопытством разглядывал его сквозь стёкла пенсне.

— Дорогой Эверард, — произнёс он, — простите за замечание, но вы изменились гораздо сильнее, чем я мог себе представить.

— Эверард изменился во многих отношениях, — с лёгкой иронией заметила его жена. Домини, уже поднявшийся, чтобы откланяться, склонился над её рукой.

— А как насчёт моего званого обеда? — добавила она.

— Как только вернусь из Норфолка, — ответил он.

— Значит, вы действительно намерены поселиться в Домини-холле? — с некоторым любопытством спросила она.

— Непременно!

В её глазах снова промелькнул страх, за которым последовала мгновенная вспышка восхищения.

Домини серьёзно пожал руку хозяину дома и кивнул Бартраму. Вызванный герцогиней слуга уже стоял возле портьера, придерживая её.

— Надеюсь вскоре снова увидеться с вами, герцог, — сказал Домини, завершая прощание. — Нам предстоит уладить одно небольшое денежное дело. Вероятно, через день-другой вы получите известие от мистера Мэнгана.

Герцог смотрел вслед этому необыкновенному посетителю.

Когда портьера опустилась, он повернулся к жене.

— Небольшое денежное дело, — повторил он. — Надеюсь, дорогая, ты объяснила Эверарду, что, хотя мы, разумеется, очень рады его возвращению, рассчитывать на какую-либо финансовую помощь с моей стороны в настоящее время совершенно бесполезно.

Каролина улыбнулась.

— Эверард говорил о деньгах, которые уже должен тебе, — пояснила она. — Он намерен немедленно их вернуть. Кроме того, он погашает все закладные на имение Домини. По-видимому, в Африке он нажил состояние.

Герцог бессильно опустился в кресло.

— Эверард вернёт долги? — воскликнул он. — Эверард Домини погасит закладные?

— Именно так я его поняла, — подтвердила жена.

Герцог прибег к последнему убежищу человека слабого, но упрямого. Его губы плотно сжались, словно захлопнувшийся капкан.

— Здесь что-то нечисто, — решительно объявил он.

Глава VI

В тот вечер Домини провёл целый час в своей гостиной в отеле «Карлтон», с нетерпением ожидая Зеемана. Тот появился лишь незадолго до семи.

— Вы отдаёте себе отчёт, — спросил его Домини, — что сегодня в семь часов я должен явиться к княгине Эйдерстрём?

— Вы мне об этом говорили, — ответил Зееман, — но я не вижу в сложившемся положении ничего трагического. Княгиня — женщина разумная и прекрасно разбирается в политике. Я не советовал бы вам посвящать её во все подробности, однако полагаю, что здесь можно найти разумный компромисс.

— Вздор! — воскликнул Домини. — На Леопольда фон Рагастейна княгиня имеет неоспоримые права, в том числе на его время и свободу. Но эти права совершенно несовместимы с жизнью Эверарда Домини.

С присущей ему педантичной аккуратностью Зееман положил шляпу, перчатки и трость на буфет. Затем заглянул в смежную спальню, закрыл и запер дверь и устроился в удобном кресле.

— Садитесь напротив, друг мой, — предложил он. — Нам необходимо поговорить.

Домини подчинился, хотя и не без раздражения. Его собеседник, впрочем, не обратил на это никакого внимания.

— Итак, друг мой, — начал Зееман, постукивая указательным пальцем одной руки по ладони другой, — я коммерсант и привык вести дела по-деловому. Давайте оценим наше положение. Ровно три месяца назад, на этой самой неделе, мы встретились по предварительной договорённости в одной из гостиниц Кейптауна.

— Всего три месяца, — пробормотал Домини.

— До той встречи мы не были знакомы, — продолжал Зееман. — Я знал о бароне фон Рагастейне лишь то, что он преданный гражданин Германии и патриот, выполняющий важное поручение в Восточной Африке по особому ходатайству кайзера, сделанному вследствие одного несчастного происшествия в Венгрии.

— Я убил человека на дуэли, — медленно произнёс Домини, не сводя глаз с собеседника. — Это не такое преступление, которого нельзя простить.

— Дуэль дуэли рознь. Поединок между двумя молодыми людьми, защищающими свою честь или соперничающими за благосклонность девушки своего круга, никогда не противоречил придворным обычаям. Но совсем другое дело — стать любовником супруги одного из самых знатных вельмож Венгрии, а затем завладеть ею, убив её мужа на дуэли, к которой того вынудила собственная честь.

— Я вовсе не хотел убивать князя, — возразил Домини. — И не я добивался этой встречи. Князь сражался как безумный и после одного отчаянного выпада поскользнулся, напорвшись на острие моей неподвижной шпаги.

— Оставим это, — сказал Зееман. — Я не принадлежу к вашему кругу и, вероятно, не понимаю этикета подобных дел. Для меня важно лишь то, что в глазах нашего повелителя вы виновны, а потому он вправе требовать от вас значительных личных жертв.

— Может быть, вы объясните, — потребовал Домини, — чего ещё он от меня хочет? Я провёл долгие, мучительные годы в безбожной стране, истерзанной лихорадками, создавая для нашей армии многочисленные отряды туземных солдат. Выполнял и другие политические поручения в колонии, которые ещё могут принести плоды. Теперь мне предстоит приступить к работе, для которой меня с самого начала готовили и ради которой я получил английское образование. Я должен отправиться в Англию и под тем именем, которое выберу после совещания с вами в Кейптауне, постараться стать там человеком, пользующимся расположением

общества. Но я даже не стал дожидаться нашей встречи. Увидел великолепную возможность и воспользовался ею. Я превратился в английского сельского джентльмена, и, полагаю, вы признаете, что сделал это весьма успешно.

— Всё сказанное вами справедливо, — согласился Зееман. — В Кейптауне вы встретились со мной уже под новым именем и, несомненно, удивительно убедительно вошли в свою роль. Правда, это обошлось нам необычайно дорого, но денег мы не жалеем.

— Я не мог вернуться на родину владельцем разорённого имения, — заметил Домини. — В таком случае я не занял бы никакого положения в английском обществе, и люди, чьего расположения, как я понимаю, вы хотите для меня добиться, не оказали бы мне никакого приёма.

— И здесь у меня нет возражений, — заявил Зееман. — Наши средства практически неисчерпаемы, и скупиться мы не собираемся. Но столь же безграничной должна оставаться наша преданность, — серьёзно добавил он.

— В данном случае речь вовсе не о преданности, — возразил Домини. — Эверард Домини не может броситься к ногам княгини Эйдерстрём, известной как одна из самых страстных женщин Европы, пока ещё жива память о её любовной связи с Леопольдом фон Рагастейном. Не забывайте, что вопрос о наших личностях может возникнуть в любой день. Мы с ним дружили здесь, в Англии, в школе и университете, и многие до сих пор помнят наше сходство. Как бы безупречно я ни играл свою роль, кое-где могут возникнуть сомнения. Но они перестанут быть сомнениями, если меня увидят привязанным к колеснице княгини.

Зееман некоторое время молчал.

— В ваших словах есть резон, — наконец признал он. — Впрочем, речь идёт всего о нескольких месяцах. Что вы предлагаете?

— Немедленно отправляйтесь к княгине вместо меня, — с готовностью предложил Домини. — Объясните ей, что пока, по политическим соображениям, я являюсь и должен оставаться Эверардом Домини — для неё точно так же, как для всего остального мира. Пусть она довольствуется той дружбой и восхищением, какие сэр Эверард Домини мог бы вполне естественно проявлять к прекрасной женщине, с которой впервые познакомился сегодня. На этих условиях я целиком и от всего сердца к её услугам. Но пусть она помнит: даже наедине, в её комнате, как и в гостиной, где мы можем встретиться, я должен оставаться только Эверардом Домини, пока моё поручение не будет выполнено. Возможно, вам кажется, что я придаю этому чрезмерное значение. Это не так. Я знаю княгиню и знаю самого себя.

Зееман взглянул на часы.

— На какое время назначена встреча?

— Это было не приглашение, а приказ, — ответил Домини. — Мне велели явиться на Белгрейв-сквер в семь часов.

— Я объяснюсь с княгиней, — пообещал Зееман, беря шляпу. — Когда вернусь, поужинаем внизу в восемь часов.

Примерно час спустя Домини спустился в ресторан и обнаружил своего приятеля за маленьким столиком в одном из дальних уголков гриль-зала.

Зееман приветствовал его лёгким взмахом руки, и они сразу заказали коктейли.

— Я выполнил ваше поручение, — объявил Зееман. — После этого визита вынужден признать, что теперь несколько лучше понимаю причины вашего беспокойства.

— Вероятно, раньше вы не встречались с княгиней?

— Не встречался. Должен признаться, что эта дама обладает весьма властным темпераментом. Подозреваю, молодой друг, — продолжал Зееман, и уголки его губ дрогнули, — что примерно в августе следующего года вам придётся нелегко.

— Август следующего года сам о себе позаботится, — невозмутимо ответил Домини.

— А пока, — продолжал Зееман, — княгиня поняла положение и, думаю, прониклась его серьёзностью. Во всяком случае, ничего опрометчивого она не предпримет. В ближайшие часы

вы с ней встретитесь, но уже на разумных условиях. Теперь перейдём к следующему вопросу. Возвращаясь сюда после разговора с княгиней, я решил, что настало время познакомить вас с человеком, которому вы главным образом обязаны своим нынешним пребыванием здесь.

— С Терниловым?

— Именно! — подтвердил Зеeman после короткой паузы, за время которой один официант принёс коктейли, а другой принял заказ на ужин. — Вы, молодой друг, храните весьма благоразумное и похвальное молчание относительно дальнейших указаний, обещанных вам сразу по прибытии в Лондон. Эти указания никогда не будут записаны. Они здесь.

Зеeman коснулся лба и допил свой коктейль.

— Мне велено полностью доверять вам, — заметил Домини, — а до начала великих событий направить все силы на то, чтобы вести естественную жизнь человека, чьё имя и положение я принял.

— Совершенно верно, — согласился Зеeman.

Несколько мгновений он оглядывал зал, словно заинтересовавшись посетителями. Наконец, убедившись, что подслушать их невозможно, продолжил:

— Первое, что вам следует выбросить из головы, дорогой друг, если такая мысль в ней есть: вы не шпион. Ничего подобного. Вы нисколько не связаны с нашей превосходно налаженной разведывательной сетью. Во всём, что вам угодно говорить и делать, вы совершенно свободны. Можете верить Германии или опасаться её — как пожелаете. Можете присоединиться к мужу вашей кузины и поддержать его кампанию за всеобщую военную подготовку. А можете помогать мне укреплять узы дружбы между гражданами обеих стран. Нам это совершенно безразлично. Выбирайте роль сами. Всецело войдите в жизнь сэра Эверарда Домини, баронета, владельца Домини-холла в Норфолке, и поступайте именно так, как, по вашему мнению, поступал бы он сам.

— Это, — признал Домини, — весьма широкие взгляды.

— Это здравый смысл, — немедленно ответил Зеeman. — При всех ваших способностях за шесть месяцев вы не сможете сколько-нибудь заметно повлиять на положение дел ни в ту, ни в другую сторону. Поэтому мы хотим, чтобы вы сосредоточили все силы на одной-единственной задаче. Если в вашем поручении и есть что-либо шпионское, то предметом вашего внимания должны стать вовсе не Англия и не англичане. Мы требуем, чтобы вы всецело и исключительно сосредоточились на Тернилове.

Домини вздрогнул.

— На Тернилове? — переспросил он. — Я рассчитывал работать с ним, но...

— Откажитесь от всех предвзятых представлений, — посоветовал Зеeman. — По мере развития событий вы постепенно поймёте, в чём заключаются ваши обязанности по отношению к Тернилову.

— Пока я даже не знаком с ним, — заметил Домини.

— Ранее в нашем разговоре я собирался сказать вам, — продолжал Зеeman, — что назначил вам встречу с этим человеком сегодня в одиннадцать вечера, в посольстве. Вы должны явиться к нему в назначенный час. Помните: вы ничего не знаете и ожидаете указаний. Предоставьте говорить ему одному. Особенно следите за тем, чтобы даже намёком не выдать своего знания о предстоящих событиях. Вы увидите, что он совершенно доволен положением дел и вполне удовлетворён. Постарайтесь не нарушить его спокойствия. Он служит делу мира. И вы тоже.

— Начинаю понимать, — задумчиво произнёс Домини.

— Вы поймёте всё, когда придёт время действовать, — пообещал Зеeman. — И не забывайте, друг мой, что ваша полезность для нашего великого дела во многом зависит от способности утвердиться в положении английского джентльмена и сохранить его. Пока всё складывается благополучно?

— Насколько это зависит от меня, совершенно благополучно, — ответил Домини. — Но помните, что и вам предстоит выполнить свою часть работы. В Берлин наверняка поступают отчаянные телеграммы из Восточной Африки по поводу моего исчезновения. Даже ближайшие мои сотрудники не были посвящены в тайну.

— Всё это предусмотрено, — заверил его Зееман. — Маленький доктор по фамилии Шмидт истратил немало казённых марок на тревожные телеграммы. Должно быть, вы сумели внушить ему большую привязанность.

— Он был чрезвычайно преданным помощником.

— И оказался весьма хлопотным другом. Похоже, туземцы несколько перепутали свои рассказы о вашем тёзке, который, по всей видимости, погиб в зарослях. А Шмидт постоянно напоминал о вашем обещании дать ему знать о себе из Кейптауна. Впрочем, со всем этим удалось благополучно разобраться. Настоящие опасности подстерегают вас здесь, и, насколько я понимаю, с главными из них вы уже столкнулись.

— Во всяком случае, — заявил Домини, — меня признала ближайшая из ныне живущих родственниц. Заодно я обнаружил единственного дальновидного человека в Англии, который понимает, что нас ожидает.

Зееман на мгновение встревожился.

— Кого вы имеете в виду?

— Герцога Вустерского, мужа моей кузины, о котором вы только что говорили.

Лицо маленького человечка разгладилось.

— Он напоминает мне гусей, спасших Капитолий, — заметил Зееман. — Безмозглый человек, одержимый одной идеей. Удивительно, как часто подобные фанатики добиваются до истины. Кстати...

Он достал из жилетного кармана небольшую записную книжку и пролистал её.

— Сегодня вечером его светлость выступает на собрании в ратуше Холборна. Я устрою одно из своих обычных выступлений с места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.